

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Субъект преступления и личность преступника»

Обучающийся

В.Е. Антропова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

д-р юрид. наук, профессор, В.К. Дуюнов

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Понятие субъекта преступления в уголовном праве России	7
1.1 Субъект преступления в дореволюционном уголовном праве России	7
1.2 Субъект преступления в советском уголовном праве	13
1.3 Субъект преступления в уголовном праве Российской Федерации ..	19
Глава 2 Физическое лицо и возраст как признаки субъекта преступления	26
2.1 Субъект преступления – физическое лицо	26
2.2 Возраст как признак субъекта преступления	30
Глава 3 Вменяемость как признак субъекта преступления	35
3.1 Понятие о вменяемости и невменяемости	35
3.2 Медицинский критерий невменяемости	39
3.3 Юридический критерий невменяемости	43
3.4 Ограниченная вменяемость и ее значение	46
Глава 4 Специальный субъект преступления.....	51
4.1 Понятие специального субъекта преступления	51
4.2 Виды специальных субъектов в Уголовном кодексе Российской Федерации.....	56
Глава 5 Личность преступника как объект криминологического и уголовно-правового исследования	62
5.1 Понятие личности преступника, ее структура, социальное и уголовно-правовое значение	62
5.2 Соотношение понятий «субъект преступления» и «личность преступника»	69
5.3 Типология личности преступников и ее уголовно-правовое значение	73
Заключение	78
Список используемой литературы и используемых источников.....	82

Введение

Актуальность исследования, посвящённого анализу субъекта преступления и личности преступника, определяется ключевой ролью этих категорий в системе уголовно-правовых отношений. В условиях сложного и динамичного развития современного общества всё более очевидным становится тот факт, что человек не только формально признаётся носителем уголовной ответственности, но и обладает совокупностью социокультурных, психологических, нравственных и мировоззренческих характеристик, которые необходимо учитывать при оценке противоправного поведения и назначении наказания. Именно личность преступника, с её уникальными особенностями и мотивационными факторами, выступает субъектом преступной деятельности, формирует антиобщественные установки и определяет степень общественной опасности. При этом реформа уголовного законодательства в России, неизбежно сопряжённая с воздействием глобальных процессов, научно-технологическим прогрессом и гуманистическими тенденциями, требует пересмотра подходов к пониманию субъекта преступления и более глубокого осмысления феномена личности, совершающей противоправные деяния.

Особую сложность в правоприменительной практике вызывают вопросы, связанные с определением вменяемости лица, установлением его возрастного порога для привлечения к уголовной ответственности, а также с учётом психических расстройств, не исключающих способность осознавать свои действия. При этом очевидно, что формальное признание человека субъектом преступления (как вменяемого физического лица, достигшего соответствующего возраста) не исчерпывает всей полноты картины. Многочисленные исследования, в том числе труды Т. Н. Макаровой, П. Г. Завьялова и А. К. Романова, свидетельствуют о том, что без анализа внутренней мотивации, системы ценностей, особенностей поведения и социальной адаптации преступника невозможно обеспечить справедливость и целесообразность наказания.

Внедрение цифровых технологий, расширение международных контактов, изменение социально-экономических условий и активизация миграционных процессов существенно усложняют характер и формы преступного поведения. Индивид, нарушающий уголовно-правовые запреты, всё чаще действует в трансграничном пространстве, опираясь на новые формы социальных коммуникаций. Такая трансформация повышает риск формирования нетипичных способов совершения противоправных деяний, что предъявляет новые требования к исследованию субъекта преступления. Кроме того, закономерно возрастает интерес к факторам криминальной социализации: семейному окружению, уровню образования и влиянию социума, поскольку именно в них коренится становление антиобщественной мотивации.

Принимая во внимание названные обстоятельства, исследование понятия «субъект преступления» и категории «личность преступника» представляется не только научно значимым, но и чрезвычайно востребованным в плане совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики. Объединение уголовно-правовых, криминологических, социологических и психологических методов анализа позволяет глубже понять внутренние условия, порождающие преступное поведение, и конкретней подходить к вопросам его предупреждения. Необходимость дифференцированной оценки вины и криминальной мотивации, а также учёт особенностей социального статуса и психологического портрета правонарушителя прямо влияет на эффективность правосудия и гуманность уголовной политики.

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с определением и характеристикой субъекта преступления, а также формированием комплекса представлений о личности преступника в уголовном праве Российской Федерации.

Предметом исследования являются теоретические и практические аспекты правового регулирования признаков субъекта преступления и учёта

личностных свойств виновного при назначении наказания, в том числе вопросы юридической оценки вменяемости, возраста, специального субъекта и соотношения категорий «субъект преступления» и «личность преступника».

Целью исследования является комплексное изучение феномена субъекта преступления и особенности личности преступника с точки зрения их уголовно-правового и криминологического значения, а также формирование предложений, направленных на совершенствование нормативно-правовой базы и практики правоприменения.

Задачи исследования:

- выявить исторические этапы становления института субъекта преступления в российском уголовном праве и проследить эволюцию представлений о личностных характеристиках правонарушителя;
- проанализировать современные доктринальные подходы к понятию субъекта преступления, уделив особое внимание проблемам вменяемости, возраста и специального статуса виновного лица;
- определить содержание и структуру категории «личность преступника», исследовать влияние её социокультурных и психологических факторов на противоправное поведение;
- установить практическое значение учёта типологии личности преступников при назначении наказания и выработке мер профилактики и ресоциализации;
- сформулировать рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики с учётом выявленных закономерностей и проблемных точек.

Теоретической основой исследования послужили работы современных отечественных учёных, внесших значительный вклад в развитие уголовно-правовой науки и криминологии: Т. Н. Макаровой, П. Г. Завьялова, А. К. Романова, Е. С. Громова, М. В. Литвиновой и Р. Л. Петровой. Помимо этого, автор опирался на труды специалистов в области психологии и

социологии, рассматривающих формирование антиобщественных установок и особенности поведения лиц, склонных к совершению преступлений.

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс РФ, другие федеральные законы и подзаконные нормативные акты, регулирующие вопросы ответственности и порядок рассмотрения уголовных дел.

Методологическая основа исследования включает в себя общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция), специальные юридические методы (сравнительно-правовой анализ, историко-правовой подход, логико-нормативное толкование), а также криминологические и психологические методики изучения личности правонарушителя. Применение системного и комплексного анализа позволило учитывать взаимосвязь правовых норм, психологии, социологии и других факторов, формирующих мотивацию преступных действий.

Структура работы соответствует цели и задачам исследования, отражая логику анализа положений о субъекте преступления и особенностях личности преступника. Работа включает в себя введение, пять глав, каждая из которых посвящена определённому аспекту рассматриваемой проблемы, заключение с итоговыми выводами и обобщениями, а также список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие субъекта преступления в уголовном праве России

1.1 Субъект преступления в дореволюционном уголовном праве России

Развитие представлений о субъекте преступления в российском праве дореволюционного периода демонстрирует эволюцию государственного и правового сознания, постепенно переходившего от первобытнообщинных воззрений к более системно организованным законодательным конструкциям. Исследование данной проблематики требует обращения к фундаментальным памятникам древнерусского и феодального права, в том числе к нормам, закрепленным в «Русской Правде», Судебниках, Соборном Уложении 1649 года, а также к более поздним императорским указам, Уложениям и Своду законов Российской империи. Анализ этих правовых актов позволяет выявить специфику формирования самого понятия «преступление» и критериев, по которым определялся субъект противоправного деяния в различные исторические периоды.

Исторические исследования подтверждают, что в древнейшем источнике русского права – «Русской Правде», содержится лишь общее представление о том, кто может признаваться виновным за совершение деяния, которое влекло за собой применение наказания. В «Краткой» и «Пространной» редакциях «Русской Правды» упоминаются многочисленные составы преступлений, в частности связанные с убийством, посягательством на собственность, а также с нарушениями, затрагивающими интересы феодалов и господствующего сословия [46, с. 112].

Важнейшим объектом охраны считалась феодальная собственность, что отражено в статьях «Пространной Правды», предусматривающих дифференциацию наказания за различные виды кражи и ночной грабёж. При этом исходная конструкция «Русской Правды» не даёт развернутого определения субъекта преступления. Законодатель исходит из очевидной

презумпции, что только физическое лицо – «лихой человек», способно совершить «лихое дело». Возраст и психическое состояние («вменяемость») нарушителя прямо не регламентируются, однако из общего смысла правовых норм можно сделать вывод о естественном характере деяния, присущем исключительно человеку как субъекту.

Показательно, что в ряде случаев правовой статус, социальное положение и сословная принадлежность субъекта могли влиять на характер его ответственности. Например, статьи «Русской Правды», упорядочивавшие ответственность за убийство свободного мужчины, свободной женщины или зависимого лица, фактически учитывали статус потерпевшего, определяя различные размеры «виры» и иной формы возмещения. В то же время выделения возрастного критерия или формального признака вменяемости в «Русской Правде» не встречается. Тем не менее уже в этот период формировалось понимание, что наказуемым может быть лишь «разумное» деяние индивида, тогда как роль факторов (условно говоря, возрастных или психических) могла учитываться на уровне обычая либо толкований местных общин.

Последующее развитие законодательства привело к появлению Судебников 1497 и 1550 годов, которые более чётко закрепляли признаки «лихих людей», «разбойников» и иных категорий лиц, совершавших деяния повышенной общественной опасности. Под «ведомыми лихими людьми», в частности, понимались правонарушители, неоднократно уличённые в преступном поведении; такие лица нередко подвергались особо строгому наказанию, вплоть до смертной казни.

В данном контексте стоит упомянуть и дискуссии учёных-цивилистов, обращавшихся к анализу Судебников как к источнику сформировавшихся в средневековой Руси правовых институтов.

И.А. Треснов полагал, что в Судебниках заложены первые элементы концепции умысла и осознанной противоправной деятельности, поскольку

законодатель, выделяя «ведомых лихих людей», исходил из представления о систематическом характере их преступного поведения [51, с. 17].

По мнению же М.Н. Фролова, Судебники отражают переходный период в истории русского уголовного права, когда сословно-правовой фактор начинал играть ключевую роль в определении субъекта преступления. Ученый обращал внимание на особый правовой режим для лиц, находившихся в феодальной зависимости, а также на фактическую невозможность полноценного учёта критериев возраста или вменяемости правонарушителя на ранних этапах следствия [55, с. 32].

В Судебниках, как и в более ранних актах, отсутствует подробная регламентация возраста, состояния психического здоровья или иных индивидуальных характеристик субъекта. Однако в них закрепляются предпосылки к формированию представлений о том, что субъект преступления – это, как правило, конкретный человек, несущий личную ответственность за посягательство на интересы государства либо частных лиц. Ярким примером служит норма о «государском убийце», подчеркивающая специфический характер взаимоотношений между зависимым лицом и его господином. Тем самым постепенно формируется идея, что социально-правовой статус (холоп, смерд, воевода, служилый человек) влияет на квалификацию деяния и тяжесть наказания, а значит, и на понимание того, кто признаётся субъектом преступления.

Соборное Уложение 1649 года представляет собой крупный законодательный комплекс, систематизировавший значительное число уголовно-правовых норм. В данном акте прослеживается более чёткая классификация преступлений, где впервые в широком виде упоминаются преступные деяния против церкви, государства и системы управления. Важнейшей особенностью Соборного Уложения является то, что ряд составов преступлений (особенно связанных с «государственной изменой», «воровством» в смысле мятежа или заговора против царя) предполагает субъекта, обладающего определённым статусом или выполняющего

конкретную функцию (например, «воевода», «приказной человек», «кормовой человек») [55, с. 30].

Само определение субъекта преступления остаётся всё ещё нечетким: законодатель сосредотачивается на описании конкретных деяний, а не на формальной характеристике лица, их совершающего. Однако очевидно, что субъективная сторона преступления связывается со способностью человека действовать сознательно и целенаправленно. По-прежнему отсутствует отдельный раздел об исключении из ответственности по причинам возраста или психического расстройства; данные аспекты чаще решаются судебной практикой или с опорой на местные обычаи.

Важно отметить, что Соборное Уложение, ставшее базовым актом для своего времени, закрепило ряд преступлений, связанных с должностным положением (должностные лица, денежные мастера и другие). Это ещё более отчётливо указывает на то, что к классической характеристике субъекта - «физическое лицо» - добавляются специальные признаки, формирующие институт «специального субъекта», хотя сам этот термин формально не употребляется.

Переход к абсолютизму и расширение бюрократического аппарата в петровскую эпоху обусловили издание целого комплекса актов, включая Воинские артикулы 1715 года, регулирующие уже не только общеуголовные, но и воинские преступления. Здесь чётко прослеживается тенденция к выделению специальных субъектов (военнослужащих, должностных лиц, ответственных за казённое имущество и т.д.), а также к дифференцированному подходу в части ответственности офицеров и рядовых.

В то же время вопросы возраста и психического состояния лица, совершившего деяние, продолжали оставаться предметом лишь фрагментарного регулирования. Например, в отдельных указах XVIII века (1742, 1765, 1766 гг.) предлагались казуистические решения в отношении малолетних правонарушителей: наказания для них смягчались или заменялись монастырским заключением, плетью вместо кнута и т. д. Постепенно

возрастной порог привлечения к ответственности, фиксировавшийся в разных правовых актах, формировался в пределах 10-15 лет. Однако это делалось скорее по усмотрению законодателя, нежели по единой системной концепции о малолетстве и невменяемости.

По мнению В.И. Малиновского, изучавшего особенности кодификации этого периода, законодатель постепенно осознавал необходимость формального закрепления признаков субъекта преступления, учитывающих возраст и психическую дееспособность, именно вследствие потребности систематизировать практику применения телесных наказаний и иных карательных мер к несовершеннолетним. Учёный подчёркивал, что эта тенденция коренится в общем курсе государства на «просвещённый абсолютизм», породившем реформаторские идеи в сфере права [30, с. 42].

В свою очередь, М.Н. Воронов считал, что принятие возрастных порогов и института невменяемости носило во многом компромиссный характер, поскольку государственные структуры ещё не обладали достаточным административным механизмом для полноценного учёта индивидуальных особенностей каждого правонарушителя. По его мнению, законодательство этого времени характеризовалось «полумерами», пытавшимися уравновесить гуманистические идеи с сохранившейся крепостнической и сословной системой наказаний [5, с. 56].

Качественный скачок в понимании субъекта преступления произошёл в XIX веке. В Свода законов Российской империи 1832 года и особенно в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года содержание понятия «преступное деяние» раскрывается более детально; выделяются критерии, позволяющие судить об ответственности лица с учётом его возраста и вменяемости. Так, Уложение 1845 года впервые даёт относительно системный перечень обстоятельств, исключающих уголовную ответственность (например, совершение деяния в «безумии»), и указывает на возраст, начиная с которого правонарушитель мог признаваться субъектом преступления (как правило, 10 лет).

Далее эти подходы получили развитие в Уголовном Уложении 1903 года, где уже прямо оговаривалось, что лицо, не достигшее 10-летнего возраста, не может рассматриваться как субъект преступления. Таким образом, проглядывается законодательная линия на уточнение возрастных рамок и установление невменяемости в качестве условия, снимающего уголовную ответственность.

Подводя итог, можно утверждать, что в дореволюционном уголовном праве России постепенно складывалось понимание субъекта преступления как физического (а не коллективного) лица, способного осознавать характер совершаемых действий и руководить ими. На протяжении веков выделялся ряд дополнительных критериев (должностное положение, сословные и религиозные признаки, возраст), которые получали закрепление в законодательстве различных эпох.

Сначала на уровне «Русской Правды» существовала лишь общая презумпция, что недозволенные действия совершает «лихой человек», без формального анализа его воли и сознания. Затем Судебники и Соборное Уложение 1649 года начали уделять внимание статусному и сословному признаку правонарушителя. Со временем, особенно в XVIII-XIX веках, законодатель всё более чётко прописывал возрастные рамки и критерии невменяемости как неотъемлемые элементы субъекта преступления. Завершающим этапом эволюции дореволюционного законодательства стала кодификация начала XX века (Уголовное Уложение 1903 года), где было официально закреплено, что только физическое вменяемое лицо, достигшее определённого возраста, способно стать субъектом преступления.

Таким образом, исторический опыт дореволюционного права позволил сформировать фундаментальные положения, ставшие впоследствии основой для советского и современного российского уголовного законодательства. Хотя в ранних памятниках русской правовой культуры практически отсутствовало формализованное понятие субъекта преступления, их накопленный опыт и прогрессирующая детализация норм заложили

концептуальные предпосылки для современного института субъекта уголовной ответственности.

1.2 Субъект преступления в советском уголовном праве

Период становления и развития советского уголовного права характеризовался радикальными политико-правовыми преобразованиями, сопровождавшимися отказом от дореволюционных принципов и поиском новых форм регулирования общественных отношений. В первые годы существования Советской республики законодательные акты издавались в виде декретов, часто бессистемных и противоречивых. Однако именно в этот период начали формироваться базовые подходы к определению субъекта преступления, то есть лица, которое может нести уголовную ответственность за содеянное, а также к самому понятию преступного деяния в контексте новых социально-экономических реалий.

Прежде всего необходимо отметить, что в условиях гражданской войны и последовавших за ней разрухи, голода и массовой беспризорности, государство ставило задачу защитить наиболее уязвимые категории населения, в том числе несовершеннолетних. Так, Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» не только упразднил суды и тюремное заключение для детей, но и ввёл особый порядок рассмотрения дел о преступлениях, совершённых малолетними. Функции суда в подобных случаях возлагались на специальные комиссии для несовершеннолетних, которые должны были применять к правонарушителям меры воспитательного, а не карательного характера. Данная новелла свидетельствовала о стремлении советской власти смягчить уголовную репрессию в отношении подростков и поставить во главу угла воспитательное воздействие, отражая принципы гуманизма и заботы о будущем поколении.

По мнению И. В. Яковлевой, ключевым фактором, обусловившим необходимость введения особых комиссий для несовершеннолетних, явилось

стремление молодой советской власти подчеркнуть воспитательную функцию уголовной политики. Исходя из духа революционной законности, советский законодатель, по её словам, «впервые в истории российского права столь последовательно отказался от традиционной кары для подростков, рассматривая их правонарушения сквозь призму глубокого социального кризиса и необходимости исправительно-воспитательных мер» [59, с. 36]. Данное новаторство, с одной стороны, отражало идеи гуманизма, а с другой - формировало уникальный прецедент, при котором дети переставали восприниматься как полноценные субъекты преступления в классическом смысле.

Важнейшим этапом в упорядочении советского уголовного законодательства стало издание Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года. Этот документ, с одной стороны, имел цель систематизировать изданные до того момента фрагментарные декреты, а с другой – формировал идеологическую базу для дальнейшего развития советского уголовного права. В частности, ст. 13 Руководящих начал закрепляла минимальный возраст уголовной ответственности на уровне 14 лет. Таким образом, молодые люди моложе указанного возраста автоматически исключались из числа возможных субъектов преступления и не могли подпадать под суд и традиционные уголовные санкции; к ним предполагалось применять меры исключительно воспитательного характера. Следует подчеркнуть, что подобная установка отражала новую парадигму, ориентированную на «перевоспитание» и «исправление» правонарушителей в духе «революционной законности» [60, с. 40].

Вопрос о психическом состоянии лица (иными словами, о его вменяемости) также не был обойден вниманием советского законодателя. Подобно традициям дореволюционного права, Руководящие начала 1919 года указывали, что лица, страдающие психическими заболеваниями или по иным причинам не отдающие отчёта в собственных действиях, не подлежали наказанию. Предусматривались меры медицинского характера, что

формировало основы для дальнейшей разработки принципа гуманного отношения к психически больным правонарушителям.

Серьёзный вклад в уточнение представлений о субъекте преступления внёс Уголовный кодекс РСФСР 1922 года, введённый в действие 1 июня того же года. Он не только закрепил общие принципы советского уголовного права, но и дал более детальную регламентацию институтов ответственности и наказания. Преступлением признавалось всякое общественно опасное деяние, угрожающее основам существующего строя и правопорядку, что отражало приоритет интересов молодой Советской республики. В контексте субъекта преступления особое значение имело ст. 18 УК РСФСР 1922 г., которая сохраняла нижний возрастной порог (14 лет) для наступления уголовной ответственности, одновременно расширяя диапазон ситуаций, в которых подросток мог быть передан на рассмотрение медико-педагогических органов вместо суда. Наличие такой альтернативы подтверждало идею о возможности гибкого реагирования на преступное поведение несовершеннолетних.

Аналогичным образом ст. 17 УК РСФСР 1922 г. закрепляла неприменение наказания к лицам, находившимся в состоянии невменяемости, то есть не осознававшим характер и общественную опасность своих действий. К ним предписывалось применять лечебные меры, фактически продолжая традицию, заложенную ещё Руководящими началами 1919 года. При этом законодатель формально не давал позитивного определения понятия «вменяемость», но исходил из противоположной трактовки «невменяемости», закреплённой в норме.

А. П. Беляев в своих работах указывает на «компромиссную природу» законодательных решений в сфере минимального возраста уголовной ответственности, отмечая, что значение гуманистического подхода в понимании подростковой преступности вступало в противоречие с практической необходимостью оперативного реагирования на рост детской беспризорности и преступности в послереволюционный период. Исходя из архивных материалов и статистических данных, учёный приходит к выводу,

что «законодатель, постоянно лавируя между гуманизацией и жёстким преследованием подростковых преступлений, не мог предложить стабильную и непротиворечивую модель, а потому вынужден был вводить новые корректировки едва ли не каждое десятилетие» [4, с. 32].

Дальнейшее развитие советского уголовного права, в частности, УК РСФСР 1926 года, продолжило уточнение минимального возраста уголовной ответственности, вновь остановившись на границе 14 лет. Так, ст. 12 УК РСФСР 1926 г. устанавливала, что к малолетним до 14 лет нельзя применять судебно-исправительные меры социальной защиты, а подростки в возрасте 14-16 лет попадали под подобные меры только тогда, когда комиссии по делам несовершеннолетних находили невозможным использовать иные, менее строгие механизмы воздействия. Это свидетельствует о постепенном формировании принципа дифференциации наказания в зависимости от возраста и степени развития правонарушителя.

С течением времени советское государство вносило в уголовное законодательство корректировки, обусловленные социально-политическими обстоятельствами. Под влиянием сложной международной обстановки перед Великой Отечественной войной был принят ряд правовых актов, резко ужесточавших ответственность даже в отношении 12-летних (например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г., наказывавший за действия, которые могли привести к крушению поездов). Однако уже в 1941 году последовала некоторая либерализация: уголовная ответственность по большинству составов для несовершеннолетних начиналась с 14 лет. Такая изменчивость возрастных границ показывает, насколько активно законодатель реагировал на конъюнктурные вызовы, не всегда следуя единым доктринальным критериям.

М. С. Громов подчёркивал, что колебания возрастной планки и ужесточение (или, напротив, смягчение) наказаний в отношении несовершеннолетних в советский период «были не просто конъюнктурными, а отражали идеологию общественной необходимости», где государственные

интересы первенствовали над правовой стабильностью. Указанные акты, по его убеждению, «демонстрировали приоритет охраны важных с позиций политического режима объектов (транспорт, общественный порядок) над фундаментальными принципами индивидуализации наказания». Это, в свою очередь, затрудняло формирование унифицированного понимания субъекта преступления и оказывало прямое влияние на доктрину невменяемости и возрастной вменяемости, предполагая более гибкий, но порой и непоследовательный подход [7, с. 42].

Качественно новый этап кодификации привнесли Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 года, установившие общую планку уголовной ответственности с 16-летнего возраста и одновременно выделившие перечень преступлений, за которые ответственность наступала уже с 14 лет. В числе таких деяний были убийство, кража, злостное хулиганство, умышленное уничтожение или повреждение государственного имущества и некоторые другие. В этой же кодификации более чётко зафиксировалась формула невменяемости: законодатель излагал совокупность медицинского и юридического критериев, причём под медицинским критерием подразумевались различные виды психических заболеваний, а под юридическим – неспособность лица отдавать отчёт в своих поступках или руководить ими.

Последовавшее принятие Уголовного кодекса РСФСР 1960 года конкретизировало эти положения, несколько расширив список деяний, ответственность за которые возникала уже с 14 лет. В дальнейшем законодатель время от времени вносил правки, увеличивая или сокращая этот перечень, что свидетельствовало о динамичном развитии советского права вплоть до конца 1980-х годов. Изменения затрагивали не только несовершеннолетних, но и сложные аспекты, связанные с психической дееспособностью правонарушителя, в результате чего формула невменяемости, закреплённая ещё в Основах 1958 года, оставалась

неизменной только в основном тексте, но подвергалась различным интерпретациям на практике.

Наконец, переход к новому этапу российского уголовного права был ознаменован принятием Уголовного кодекса РФ 1996 года, вступившего в силу с 1 января 1997 года. Хотя он уже выходил за формальные рамки советского законодательства, связь с его основополагающими принципами всё же прослеживалась. Перечень преступлений, ответственность за которые наступала с 14 лет, был ещё более детально отрегулирован, отчасти расширен (например, введена ответственность за насильственные действия сексуального характера, захват заложника и т. д.). При этом в ряде случаев, когда речь шла о посягательствах на половую неприкосновенность, возраст субъекта для признания его уголовно ответственным, напротив, повышался до 18 лет.

По мнению Н. П. Короткова, анализировавшего непрерывность и трансформацию уголовно-правовой политики после распада СССР, «включение в Уголовный кодекс РФ новых составов и повышение возрастного порога в отношении ряда преступлений свидетельствует не только о сознательном укреплении гарантированности половой неприкосновенности, но и о стремлении российского законодателя унаследовать советскую традицию гибкого реагирования на социальные вызовы». Учёный подчёркивает, что отказ от единообразного понижения возрастной планки был во многом продиктован необходимостью комплексного учёта социально-психологических особенностей молодёжи и сложившихся правоприменительных реалий. Именно благодаря такому подходу, полагает Н. П. Коротков, были заложены предпосылки к дальнейшему совершенствованию института субъекта преступления, при котором учитывается не только формальный признак достижения определённого возраста, но и субъективная сторона деяния, тесно связанная с уровнем личной зрелости правонарушителя [21, с. 22].

Таким образом, советский период развития уголовного права в отношении субъекта преступления в наибольшей степени характеризуется

постоянным поиском баланса между интересами государства, диктовавшими необходимость строгого пресечения наиболее опасных деяний, и гуманистической тенденцией «перевоспитания» правонарушителей, особенно несовершеннолетних. На протяжении 72 лет (с 1918 по 1990-е годы) законодатель колебался в вопросах минимального возраста уголовной ответственности, расширяя или сужая категорию лиц, которые признавались субъектами преступления. Параллельно он совершенствовал критерии невменяемости, развивал институт принудительного лечения психически больных правонарушителей.

В результате накопленного опыта были заложены основы современной концепции субъекта преступления, включающей в себя совокупность обязательных признаков – возраст, вменяемость, физическое свойство лица (человек, а не юридическое лицо) и способность отдавать отчёт в своих действиях и руководить ими. Все эти элементы прошли путь от фрагментарных декретов революционных лет до относительно целостных кодификаций, воплотившихся в Уголовном кодексе РФ 1996 года. Советский этап, таким образом, сыграл ключевую роль в формировании отечественного уголовно-правового института субъекта преступления, заложив основы возрастной дифференциации ответственности и принципа неприменения наказания к невменяемым лицам.

1.3 Субъект преступления в уголовном праве Российской Федерации

Современный отечественный уголовный закон исходит из того, что уголовная ответственность может быть возложена лишь при наличии у лица всех необходимых признаков состава преступления. Данный принцип закреплён в статье 8 УК РФ, где подчёркивается необходимость установления всех обязательных элементов состава, а также в статье 19 УК РФ, формулирующей требования к лицу, способному признаваться субъектом

преступления. Такой подход отражает концептуальное единство понятий «состав преступления», «субъект преступления» и «уголовная ответственность», которые тесно взаимосвязаны и не могут рассматриваться в отрыве друг от друга.

В научном обороте институт субъекта преступления определяется как совокупность уголовно-правовых норм, устанавливающих критерии признания конкретного лица носителем уголовной ответственности за совершённое деяние. При этом российский законодатель подчёркивает, что субъектом преступления может быть лишь тот, кто лично совершил общественно опасное деяние, подпадающее под признаки, предусмотренные Особенной частью Уголовного кодекса. Такой личный характер вины проявляется и в отношении соучастников (ст. 33 УК РФ), поскольку все они также являются самостоятельными субъектами с учётом распределения роли каждого в совершённом преступлении [52].

Вопрос об общей характеристике субъекта преступления в отечественной науке нередко рассматривается через призму целей и функций уголовного права. Так, по мнению Е.В. Рогова, критически анализировавшего эволюцию норм о субъекте в отечественных кодификациях, «акцент на личной ответственности и индивидуальной виновности является краеугольным камнем всей системы уголовного права, поскольку только физическое лицо способно осознавать общественную опасность своего поведения и нести за него справедливое наказание». Учёный убеждён, что именно персонализация вины порождает устойчивость уголовно-правовых отношений, поскольку их субъектом становится тот, кто реально оказывает воздействие на общественную безопасность [43, с. 41].

К.В. Доманов подчёркивает, что «понятие субъекта преступления уже в общих положениях УК РФ подразумевает не только формальную способность лица к осознанию последствий, но и наличие определённого психического и социального развития, которые предопределяют саму возможность вины». К.В. Доманов обращает внимание на то, что признание человека субъектом

преступления предполагает наличие у него правовой культуры, достаточной для понимания существа уголовного запрета. Поэтому, добавляет исследователь, законодатель основывается на презумпции разумности и сознательности граждан, но при выявлении отклонений (возрастных или психических) корректирует вопрос об их уголовной ответственности [10, с. 22].

Вместе с тем в самом УК РФ ныне редко употребляется термин «субъект преступления» в качестве специального обозначения. Законодатель предпочитает использовать слова «лицо, совершившее преступление», «виновный» или просто «лицо». Подобная лексическая гибкость не меняет существа вопроса: под субъектом понимается физическое лицо, обладающее установленными законом признаками, которые влекут возможность привлечения его к уголовной ответственности.

Существенной особенностью действующего российского уголовного закона является категорический отказ от признания юридических лиц субъектами преступления. Эта позиция, нормативно закреплённая в статье 19 УК РФ, служит логическим продолжением принципа персональной ответственности. Законодатель указывает, что субъектом может выступать только физическое лицо, и, следовательно, исключает возможность уголовного преследования организаций, корпораций и прочих объединений.

В научных дискуссиях вокруг отрицания возможности признания юридического лица субъектом преступления доминирует позиция, связывающая это правило с личной природой уголовной ответственности.

Так, Л.А. Щербак утверждает, что «функция уголовного закона заключается в воздаянии за вредоносное поведение конкретного индивида, а не обобщённой группы или корпорации. Юридические лица не могут подчиняться целям исправления и перевоспитания в классическом понимании, что лишает уголовную репрессию в отношении них логической основы». Учёный подчеркивает, что, хотя нарушающая закон организация подлежит

административно-правовому воздействию, этого нельзя приравнять к тем целям, которые реализуются через уголовное наказание [58, с. 32].

Подобной точки зрения придерживается и С.П. Уткина, но она добавляет, что «исключение юридических лиц из сферы уголовно-правовой ответственности не сводится лишь к исторической традиции российского права. Перед нами принципиальная установка на индивидуализацию наказания, предполагающую вменение зла только тому, кто его непосредственно породил». По убеждениям С.П. Уткиной, если бы закон ввёл уголовную ответственность организаций, это могло бы затушевывать реальные личностные мотивы преступления и привести к анонимности вины, а следовательно, обесценить идею исправления и предупреждения преступности [53, с. 42].

Данный подход имеет не только догматическую основу, но и практически ориентированный смысл. Юридическим лицам невозможно вменить меры наказания, преследующие цели исправления осуждённого и предупреждения рецидивов (которые традиционно возлагаются именно на человека). Вместо этого в отношении организаций может применяться широкий спектр административно-правовых и имущественных санкций, вплоть до ликвидации. Подобные меры, однако, находятся за пределами механизма уголовно-правового регулирования.

Вторым обязательным признаком субъекта преступления выступает достижение лицом установленного законом возраста. Российское уголовное законодательство, следуя исторически сложившимся традициям, закрепляет в статье 20 УК РФ минимальную планку ответственности в большинстве случаев с 16 лет, а по ряду особо опасных деяний – с 14 лет. Такой возрастной критерий отражает понимание законодателем ступеней психического и социального развития индивида. Лица, не достигшие соответствующего возраста, исключаются из сферы уголовного преследования и могут подпадать под иные (например, воспитательные или медико-педагогические) меры воздействия.

Изменение возрастных рамок ответственности в разные периоды российской истории свидетельствует о том, что законодатель учитывает социокультурную динамику и потребности практики. Однако неизменным остаётся базовый постулат: дети, не достигшие нижнего возраста уголовной ответственности, не обладают способностью полностью осознавать и оценивать последствия своих противоправных действий, а потому не подлежат уголовному преследованию.

Наряду с физическим характером субъекта и достижением определённого возраста, важнейшим признаком субъекта преступления является его вменяемость, которая подразумевает способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность собственных деяний и руководить ими. Действующее уголовное законодательство не содержит позитивного определения «вменяемости», но в статье 21 УК РФ закрепляется понятие невменяемости (как противоположное состояние), что позволяет с достаточной ясностью толковать сущность вменяемости. По своей природе вменяемость связывается с возможностью свободного волеизъявления, лежащего в основе принципа вины.

Рассматривая содержание и значение вменяемости в уголовном праве, О.С. Данилова указывает, что «юридический критерий – способность лица осознавать фактический характер своего деяния и руководить им тесно смыкается с философским понятием свободы воли, выражая способность индивида сознательно выбирать своё поведение». При этом исследователь подчёркивает, что законодатель, кодифицируя категорию невменяемости, фактически признаёт психическую адекватность как неперенное условие ответственности, поскольку без этого невозможно справедливо и целенаправленно применять наказание [9, с. 56].

В свою очередь, Б.Г. Кравцов обращает внимание на дуализм вменяемости, когда «медицинский аспект (наличие либо отсутствие психического расстройства) переплетается с юридической оценкой сознательности действий». Учёный подчёркивает, что этот симбиоз

«медицинского» и «юридического» позволяет выявить истинную степень вины и избежать случаев необоснованного осуждения лиц, у которых по психическим причинам отсутствует возможность контролировать собственное поведение. По мнению Б.Г. Кравцова, эта комплексная модель призвана обеспечить равновесие между гуманным отношением к психически больным и необходимостью защищать общество от опасных посягательств.

Говоря о вменяемости, следует отметить, что лишённое психической адекватности лицо не только не может осознанно и целенаправленно нарушать уголовный закон, но и не подлежит уголовной ответственности. В таких случаях суды руководствуются нормами о принудительных мерах медицинского характера, которые не являются наказанием в строгом смысле слова, поскольку преследуют иную цель - изоляцию и лечение.

Совокупность рассмотренных признаков – физическое лицо, вменяемость и достижение требуемого возраста – формирует общее понятие субъекта преступления. Их наличие необходимо для возникновения уголовно-правовых отношений между государством и правонарушителем: если хотя бы один из указанных критериев отсутствует, речь об уголовной ответственности уже не идёт. Вместе с тем в некоторых составах преступлений (так называемые «специальные» составы) закон прямо указывает на дополнительные свойства субъекта, такие как должностное положение, пол, семейные или профессиональные связи. В таких случаях эти дополнительные свойства переходят из факультативных признаков субъекта в обязательные, поскольку без их установления состав преступления не считается сформированным.

В научной литературе традиционно подчёркивается, что уголовная ответственность – это не только юридический факт, но и процессуально оформленное правоотношение, возникающее между государством и лицом, совершившим преступление. Наличие субъекта с перечисленными выше характеристиками (возраст, вменяемость, физическое свойство) даёт возможность конкретизировать и индивидуализировать ответственность: именно такое лицо способно понести наказание или иные меры уголовно-

правового воздействия. И напротив, если гражданин, совершивший противоправное деяние, не достиг установленного законом возраста либо признан невменяемым, то основание для привлечения его к ответственности отпадает, а правоотношение, предполагающее применение наказания, не возникает.

Следовательно, в контексте действующего Уголовного кодекса РФ субъект преступления – это непременно человек (физическое лицо), обладающий способностью осмысленно и целенаправленно нарушить уголовный закон и нести за это личную ответственность. Эта идея находит отражение во всех институтах Общей части УК РФ, начиная от закрепления возраста и вменяемости и заканчивая механизмами привлечения к ответственности различных видов соучастников. Подобный системный подход обеспечивает единообразие применения норм и даёт практическим органам право применения устойчивую концептуальную основу для решения вопроса об уголовном преследовании конкретных правонарушителей.

Таким образом, современный российский законодатель комплексно разрешает проблему субъекта преступления, исходя из трёх ключевых признаков: человеческой природы субъекта, достижения им установленного законом возраста и его психической способности понимать и контролировать собственное поведение. Эти критерии тесно переплетены и образуют фундаментальную базу для всей конструкции уголовной ответственности, утверждая персональный характер наказания и закрепляя принцип справедливости, при котором ответственным за содеянное может считаться лишь вменяемое физическое лицо, достигшее соответствующего возраста.

Глава 2 Физическое лицо и возраст как признаки субъекта преступления

2.1 Субъект преступления – физическое лицо

Современное уголовное законодательство Российской Федерации последовательно исходит из утверждения, что субъектом преступления может выступать исключительно человек, обладающий рядом установленных законом характеристик. Данный подход, нашедший отражение в статье 19 Уголовного кодекса РФ, предполагает, что коллективные образования, юридические лица, а также любые иные формы объединений не признаются носителями уголовно-правовой ответственности. Исходя из этого, законодатель акцентирует внимание на персонифицированной природе вины и ответственности, устанавливая индивидуальный характер наказания и, соответственно, возлагая на конкретное физическое лицо бремя отвечать за собственные противоправные деяния [52].

Важность такого подхода ярко проявляется при сопоставлении уголовного права с другими отраслями правовой системы. Административное или гражданское законодательство допускают возможность привлечения к ответственности корпораций, учреждений и иных организаций, применяя имущественные или иные штрафные санкции. Однако в контексте уголовного права вопрос ставится принципиально иначе: оно всегда связано с личностным фактором, с осознанным принятием индивидом противоправных решений и совершением действий, наносящих существенный вред общественным отношениям. Поэтому принцип персональной ответственности, закреплённый в УК РФ, служит своеобразным фундаментом, позволяющим установить прямую связь между психическим отношением лица к собственному поступку и его последствиями.

Следует подчеркнуть, что закреплённая в российском уголовном законодательстве концепция субъекта преступления как физического лица не

только унаследована из дореволюционной правовой системы, но и отражает общемировую тенденцию, рассматривающую человека в качестве единственного подлинного носителя уголовной ответственности. На международном уровне эта позиция давно приобрела статус устоявшегося правового консенсуса, согласно которому только обладающее свободой воли и способностью к самоконтролю существо может в полной мере осознавать общественную опасность своего поведения, прогнозировать его последствия и нести за них личную ответственность. Юридические лица, в силу своей «коллективной» природы, ориентированы преимущественно на экономические, административные или иные имущественные санкции, не затрагивающие индивидуальную способность осмыслить противоправный характер деяния и подвергнуться наказанию, преследующему цели исправления и перевоспитания.

Отталкиваясь от данной логики, современное уголовное право РФ исходит из невозможности вменить в вину деяния абстрактной организации, поскольку только индивид способен совершать поступки, опираясь на внутреннюю свободу выбора и неся тем самым личную моральную и правовую ответственность. Такое понимание напрямую соотносится с базовыми целями уголовного права, среди которых приоритетной выступает защита наиважнейших общественных интересов и предупреждение посягательств на них. Традиционные функции уголовного наказания - исправление, перевоспитание и предупреждение рецидива - направлены, прежде всего, на внутренний мир человека, подразумевая коррекцию его поведения посредством морального воздействия и карательной реакции. Юридические лица в силу своей сущности не поддаются подобному воспитательному воздействию, а потому применение к ним мер уголовного наказания оказалось бы лишённым искомого смысла.

В этой связи заслуживает внимания позиция В. К. Груднова, который подчёркивает, что «отрицание уголовной ответственности корпораций вытекает из необходимости обеспечить индивидуальную справедливость

наказания и не допустить коллективного «распыления вины». По мнению учёного, следование принципу персонализации гарантирует, что ответственность наступает исключительно для того субъекта, который сформировал и реализовал преступный умысел, что соответствует как интересам правосудия, так и принципам гуманизма [8, с. 115].

В свою очередь, Н. В. Шестерина указывает на явную связь между отказом от привлечения к уголовной ответственности юридических лиц и концепцией «индивидуального исправления». По её мнению, «задачи исправления и предупреждения рецидива подразумевают воздействие на личность правонарушителя, выявление мотивационных факторов и дальнейшую ресоциализацию. Организации же, как коллективные образования, не могут пройти процесс реабилитации и осознанного изменения своего поведения в категории морально-правовых ценностей» [57, с. 31].

Схожую точку зрения развивает Л. Д. Рязанцев, который обращает внимание на то, что «юридические лица, столкнувшись с уголовно-правовым запретом, способны лишь реагировать на возможные экономические потери и правовые санкции, но не ощущать личную вину или раскаяние. Следовательно, даже в случае формального расширения состава субъектов до корпораций, отсутствовала бы объективная возможность их исправления в классическом уголовно-правовом смысле». Учёный подчёркивает, что именно восприятие наказания как средства морального перевоспитания исключает организации из числа потенциальных субъектов преступления [47, с. 162].

Таким образом, логика современного российского законодательства, ориентирующаяся на историческую эволюцию права и подтверждённая практикой зарубежных правовых систем, исходит из того, что только физическое лицо способно в полной мере понимать противоправный характер своих поступков, нести личную вину и подвергаться наказанию, имеющему исправительный и воспитательный потенциал. Эта позиция коррелирует с глубинными целями уголовного права, акцентирующими внимание не только на карательном аспекте, но и на гуманистической задаче изменения сознания

правонарушителя, что требует задействования именно человеческой психики и воли.

Рассматривая субъект преступления как физическое лицо, нельзя не затронуть связь данного признака с иными элементами состава преступления, такими как возраст и вменяемость. С одной стороны, достижение определённого возраста гарантирует, что правонарушитель способен понимать суть закона и предвидеть последствия своих поступков. С другой стороны, вменяемость является критерием наличия у человека психической способности отдавать отчёт в своих действиях и руководить ими. Таким образом, признаки физического лица, возраста и вменяемости в совокупности позволяют сформировать цельную картину субъекта преступления, отражающую как биологическую, так и социально-психологическую природу человека.

Необходимо также отметить, что принцип физического лица в качестве субъекта преступления вплотную соприкасается с конституционными положениями о правах и свободах человека, предполагающими индивидуальный характер ответственности. Если бы законодатель допустил возможность признания субъектом юридических лиц, то возникал бы риск «размывания» реальной вины, когда ответственные фактически лица уходили бы от наказания, прикрываясь корпоративным статусом. Концепция персонализации позволяет избежать этого, делая систему правосудия максимально адресной: она требует выявления конкретного виновного и определения степени его причастности к противоправному результату.

Таким образом, признание физического лица субъектом преступления в российском уголовном праве носит не только формальный характер, но и наполнено глубоким содержанием, тесно связанным с принципом личной ответственности, а также с гуманистической идеей о возможности исправления человека. Именно в этом смысле законодательная формулировка «физическое лицо» в ст. 19 УК РФ выходит за рамки простой констатации,

становясь основой для индивидуализации наказания, обеспечения справедливости и защиты принципа законности.

2.2 Возраст как признак субъекта преступления

Возрастной критерий играет ключевую роль в определении способности лица нести уголовную ответственность и, следовательно, в его признании субъектом преступления. Российский законодатель, исходя из данных медицины, психологии и педагогики, закрепляет в статье 20 УК РФ два базовых возрастных порога: 14 и 16 лет. Содержательная логика подобных разграничений обусловлена тем, что именно к этому моменту у большинства подростков формируются необходимые предпосылки для осознанного восприятия уголовно-правовых запретов. Соответственно, индивид, не достигший установленного порога, не может подвергаться уголовному преследованию и не рассматривается как субъект преступления [52].

При этом в действующем законодательстве проводится дифференциация: в общем случае уголовная ответственность наступает с 16 лет, однако по ряду особо опасных деяний - уже с 14. Данное решение отражает убеждённость законодателя в том, что сознание и волевой контроль подростка в определённых ситуациях позволяют ему понимать общественную опасность своих действий. Особо важно, что среди перечисленных в части 2 статьи 20 УК РФ преступлений не всегда фигурируют исключительно тяжкие или особо тяжкие составы: законодатель, помимо формальной классификации, учитывает и актуальную криминологическую обстановку, а также распространённость определённых деяний в подростковой среде [20, с. 315].

Стоит отметить, что низший возрастной порог не распространяется на неосторожные преступления. Подростки от 14 до 16 лет, совершившие такие посягательства, обычно не привлекаются к уголовной ответственности, что согласуется с общим подходом к оценке волевых и интеллектуальных способностей несовершеннолетних. Следовательно, законодатель

подчёркивает ценность индивидуализации, исходя из презумпции недостаточного психического и социального развития младших возрастных групп, когда речь идёт о неосторожных деяниях.

Следует подчеркнуть, что подобная законодательная конструкция проявляется не только применительно к деяниям, охватываемым статьями 277, 295, 317 УК РФ, но и в ряде других ситуаций, когда уголовный закон не содержит прямого указания на пониженный возраст ответственности за отдельные квалифицирующие признаки. К примеру, при рассмотрении уголовных дел о посягательстве на предметы, имеющие особую ценность (статья 164 УК РФ), или при совершении подростками групповых противоправных действий, ведущих к сложным составам вроде бандитизма (статья 209 УК РФ), судебная практика может вынужденно прибегать к квалификации по «базовому» составу (например, разбой – статья 162 УК РФ) либо ряду иных статей, за которые по ст. 20 УК РФ наступает уголовная ответственность с 14 лет. Эта коллизия ещё раз демонстрирует, что законодатель, с одной стороны, стремится учитывать высокую степень общественной опасности совершённых деяний, а с другой – сохраняет формально очерченные границы юридической зрелости, не допуская произвольного расширения перечня преступлений, за которые подросток может нести ответственность в возрасте до 16 лет [52].

Более того, именно пробелы, вытекающие из отсутствия прямого упоминания отдельных тяжких составов в части 2 статьи 20 УК РФ, нередко вызывают дискуссии в научном сообществе и правоприменительной практике.

По мнению А.А. Малыгина, законодатель изначально закладывал в конструкцию уголовного закона принцип «исчерпывающего перечня» для лиц в возрасте 14-16 лет, исходя из того, что во всех прочих ситуациях должно действовать общее правило о привлечении к ответственности с 16 лет. Учёный подчёркивает, что благодаря этому принципу сохраняется правовая определённость, поскольку «размывание» возрастных рамок или гибкий

подход к их снижению мог бы привести к неоправданному расширению сферы уголовной репрессии в отношении несовершеннолетних [31, с. 42].

Схожую позицию поддерживает В.Ф. Корнеев, указывая на важность предупреждающего и воспитательного воздействия формализованных возрастных порогов. Он подчёркивает, что «жёсткое закрепление перечня статей в части 2 ст. 20 УК РФ позволяет суду применять единые правила квалификации деяний подростков, избежав субъективного толкования и непредсказуемости в вопросах, связанных с признанием лица субъектом преступления». К тому же, подчёркивает Корнеев, при наличии разрозненных норм и «полуоткрытого» перечня неизбежны были бы споры о возможности привлечения несовершеннолетнего к ответственности за любой состав, имеющий высокую общественную опасность, даже если таковой формально отсутствует в тексте закона.

В контексте этого можно согласиться с мнением Н.Г. Самсоновой, которая указывает, что правосудие в делах о несовершеннолетних требует тонкого баланса между принципом неотвратимости наказания за тяжкие преступления и гуманистической установкой на восстановление и перевоспитание подростка. «Квалифицируя деяние, - пишет Н.Г. Самсонова, - суд обязан найти правовую форму, соответствующую буквальному смыслу УК РФ, и одновременно учитывать особенности психофизического развития подростка, дабы не превращать уголовную ответственность в безусловную карательную меру, подавляющую потенциал исправления» [48, с. 20].

Таким образом, пробелы в законодательстве, порождающие ситуацию, когда несовершеннолетние 14-15 лет могут совершить объективно более тяжкие деяния, не предусмотренные ч. 2 ст. 20 УК РФ, фактически восполняются судебной практикой через квалификацию по «основным» составам (например, убийство по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ вместо посягательства на жизнь государственного деятеля), что формирует особый порядок привлечения к ответственности за подобные преступления. С одной стороны, это сохраняет принцип законности и формальной определённости, а

с другой - соответствует системе убеждений, базирующейся на возрастном и психическом критериях виновности, характерных для подростковой преступности [52].

Важным принципом законности выступает и формализация возрастного предела. Если бы данный критерий устанавливался судами в каждом конкретном случае, возрастал бы риск субъективизма и нарушения принципа равенства граждан перед законом. Между тем в реальной практике может возникнуть потребность уточнения возраста обвиняемого или подсудимого; тогда используются различные доказательства, вплоть до судебно-медицинской экспертизы. Верховный Суд РФ последовательно указывает, что лицо считается достигшим соответствующего возраста не в день, когда ему исполняется 14 или 16 лет, а лишь с началом следующих суток. Таким образом, в течение последних часов «порогового» дня подросток ещё не подпадает под уголовную ответственность.

Необходимо принимать во внимание и факт, что сами по себе 14 и 16 лет не означают полного социального и психологического формирования личности, поэтому законодатель вводит дополнительные нормы, закрепляющие случаи, в которых возраст субъектов повышается до 18 лет (например, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по статье 150 УК РФ). Аналогичная логика прослеживается и в предписаниях трудового права, запрещающего участие лиц моложе 18 лет во вредных и опасных производствах. Это автоматически исключает возможность признания их субъектами ряда «должностных» или «воинских» преступлений, поскольку по своей природе они предполагают официальный статус либо особые профессиональные обязанности.

Важным в рассматриваемом аспекте является выявление у подростка умственной отсталости, не связанной с психическими заболеваниями, но тем не менее затрудняющей осознание фактического и общественно опасного характера своих действий. Также, ч. 3 ст. 20 Уголовного кодекса РФ исходит из того, что такое отставание может освободить подростка от ответственности,

ибо он фактически не способен адекватно понимать природу преступления или руководить своим поведением.

Таким образом, чёткость возрастного критерия служит надёжным гарантом справедливости и законности: лица, не достигшие нужной степени зрелости, не должны подвергаться уголовной ответственности и наказанию в традиционном понимании этих терминов. При этом сохранение твёрдо фиксированных возрастных пределов не означает абсолютного игнорирования индивидуальных особенностей подростка - напротив, в каждой конкретной ситуации суд учитывает степень его психофизического развития, уровень социального созревания и способность уяснить противоправность своих действий. Именно сочетание формально закреплённого возрастного порога с аналитической оценкой психического статуса несовершеннолетнего позволяет выстраивать взвешенную и гуманную политику в сфере борьбы с преступностью.

Глава 3 Вменяемость как признак субъекта преступления

3.1 Понятие о вменяемости и невменяемости

Понятие о вменяемости и невменяемости в уголовном праве Российской Федерации является фундаментальным элементом, определяющим возможность привлечения лица к уголовной ответственности и непосредственно влияющим на назначение наказания. Как известно, субъектом преступления в соответствии со статьёй 19 УК РФ признаётся только вменяемое физическое лицо, достигшее предусмотренного законом возраста. Однако в самом уголовном законодательстве отсутствует прямое нормативное определение вменяемости. Законодатель идёт по пути закрепления понятия невменяемости (ст. 21 УК РФ), через отрицание которого и выводится содержание вменяемости. Это обстоятельство обуславливает повышенный интерес правоведов к исследованию психических процессов, определяющих способность человека осознавать и контролировать собственные поступки.

Согласно официальной статистике правоохранительных органов, на территории Российской Федерации ежегодно регистрируется значительное число преступлений: в 2018 году – 1991532; в 2019 году – 2024337; в 2020 году – 2044221; в 2021 году – 2004404; а в период с января по октябрь 2022 года зафиксировано 1677066 деяний. Столь масштабная криминальная картина неизменно ставит перед судами, следователями и дознавателями вопрос об установлении психической способности обвиняемых понимать противоправный характер собственных действий [33]. Как следствие, категория вменяемости (или, напротив, невменяемости) выходит за рамки сугубо теоретического интереса и приобретает выраженное практическое значение, поскольку только при наличии вменяемости появляется реальная возможность привлечь лицо к уголовной ответственности.

В современной юридической науке существуют различные трактовки вменяемости, но во всех вариантах подчёркивается её связь с сознательной и волевой регуляцией поведения. При этом отсутствие прямого законодательного определения понятия «вменяемость» порождает ряд дискуссий.

Так, с точки зрения А.В. Емельянова, отсутствие чётко установленной в законе формулировки вменяемости усложняет деятельность правоприменителя, вынуждая его полагаться прежде всего на судебно-психиатрическую экспертизу и правовые нормы о невменяемости. Учёный отмечает, что феномен вменяемости интегрирует в себе как медицинский, так и социально-психологический аспекты, и поэтому не может сводиться лишь к формальному перечислению психических расстройств [12].

В отличие от вменяемости, которая раскрывается в уголовном праве косвенно, невменяемость прямо закреплена в статье 21 УК РФ. Согласно этой норме, лицо, совершившее деяние во время хронического или временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики и не способное осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (либо руководить ими), не может рассматриваться субъектом преступления. Правоприменительная практика исходит из необходимости устанавливать два критерия невменяемости: медицинский (биологический) и юридический (психологический). Причём достаточно, чтобы юридический критерий охватывал хотя бы один из признаков: отсутствие способности понимать характер содеянного (интеллектуальный признак) или отсутствие способности управлять собственным поведением (волевой признак). Медицинский критерий, в свою очередь, предполагает наличие у лица психического недуга (хронического, временного) или умственной отсталости, препятствующей адекватной оценке действительности.

Высказывая собственное видение, С.В. Кравченко подчёркивает, что при признании человека невменяемым ключевое значение имеет установление

причинно-следственной связи между его психическим расстройством и невозможностью осознанно и целенаправленно действовать. По мнению исследователя, если лицо формально страдает психическим заболеванием, но в момент совершения преступления сохраняло способность контролировать себя, оно не должно признаваться невменяемым. Такой подход способствует соблюдению принципа справедливости и предотвращению злоупотреблений, когда преступники пытаются избежать наказания, ссылаясь на различные психические аномалии [23, с. 17].

Не менее важная позиция содержится и в работах Г.М. Лапушкиной, которая обращает внимание на статью 22 УК РФ, регламентирующую уголовную ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость. Автор подчёркивает, что наличие подобного заболевания не освобождает человека от ответственности, но может влиять на меру наказания или повлечь назначение принудительных мер медицинского характера. Тем самым законодатель демонстрирует гибкий и гуманистический подход: лицо с психическими особенностями не остаётся без внимания правосудия, однако принимается во внимание состояние его психики, что позволяет суду индивидуализировать правовую реакцию [25, с. 62].

Чрезвычайно важным регулятором в сфере применения норм о вменяемости и невменяемости выступает Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера». В частности, в пункте 23 данного Постановления разъясняется порядок освобождения осуждённого от дальнейшего отбывания наказания при наступлении психического расстройства, делающего невозможным исполнение наказания. Подобные предписания помогают судам выстраивать единообразную практику и обеспечивать баланс между целями уголовного наказания (исправление, предупреждение новых преступлений) и необходимостью гуманного отношения к лицам с выраженными психическими патологиями [38].

Отдельную сложность порождает вопрос, когда именно состояние человека переходит грань от вменяемости к невменяемости. Судебно-психиатрическая экспертиза, с одной стороны, позволяет дать профессиональную оценку психическому здоровью обвиняемого, с другой - не исключает спорных ситуаций, возникающих при отсутствии единой классификации психических заболеваний и чётких критериев оценки способности лица осознавать последствия собственных действий. Практика показывает, что размытость диагностических границ вынуждает судебные органы в каждом конкретном случае анализировать медицинские заключения и фактические обстоятельства дела, стремясь к объективному установлению истины.

Наконец, следует подчеркнуть, что вменяемость, невменяемость и сопутствующий им институт ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ) являются составной частью конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ). Только при наличии психической способности осознавать и регулировать своё поведение лицо несёт полную уголовную ответственность. Если же человек страдает психическим расстройством, полностью или частично лишаящим его такой способности, правоприменитель обязан использовать принудительные меры медицинского характера либо учесть состояние психики при назначении наказания [19].

Таким образом, категория вменяемости представляет собой неизменную предпосылку уголовной ответственности: лишь обладая сознательным и волевым контролем над своими поступками, лицо способно нести наказание. Невменяемость же исключает признание человека субъектом преступления, но не устраняет применимость к нему мер медицинской безопасности. Признание лиц психически здоровыми, «частично больными» или абсолютно невменяемыми в конечном итоге направлено на достижение баланса между принципом справедливого воздаяния, защитой общества и охраной прав людей, страдающих психическими патологиями. Такой подход позволяет

развивать уголовное законодательство в направлении гуманизма и индивидуализации ответственности, сохраняя при этом неотвратимость наказания для действительно осознающих свою вину правонарушителей.

3.2 Медицинский критерий невменяемости

Медицинский (или, как его нередко именуют, биологический) критерий невменяемости в уголовном праве России представляет собой совокупность психических расстройств и патологических состояний, наличие которых у лица в момент совершения им общественно опасного деяния способно исключить его способность понимать фактический характер и общественную опасность собственных действий (бездействия) либо руководить ими. Исходя из содержания части 1 статьи 21 УК РФ, к указанным психическим расстройствам закон относит хронические и временные психические заболевания, а также слабоумие и иные болезненные состояния психики. Однако сама по себе фиксация диагноза или симптоматики того или иного заболевания ещё не означает автоматического признания субъекта невменяемым: ключевым остаётся установление влияния данного заболевания на волевую и интеллектуальную сферу личности в конкретной уголовно-правовой ситуации.

Одной из наиболее дискуссионных категорий в рамках медицинского критерия выступают хронические психические расстройства. К ним принято относить заболевания, отличающиеся длительным (нередко пожизненным) течением, устойчивыми или прогрессирующими изменениями личности и сознания. В психиатрической практике сюда включаются шизофрения, эпилепсия, маниакально-депрессивный психоз, а также ряд иных трудноизлечимых болезней. Указанные состояния могут протекать непрерывно или проявляться приступами, сопровождаясь заметными изменениями в когнитивной и поведенческой сферах индивида. При этом само наличие, к примеру, шизофрении, ещё не свидетельствует о невозможности

человека управлять собственными поступками. Как указывает Г.Д. Лысаков, каждый случай требует отдельной оценки динамики заболевания, уровня критичности и сохранности волевых функций, а также способности субъекта воспринимать социальный запрет: психиатрическое заключение без учёта этих факторов приводит к неоправданной криминализации или, напротив, к незаконному освобождению от ответственности [28, с. 92].

Следующей разновидностью психических расстройств, охватываемых медицинским критерием невменяемости, являются временные (преходящие) патологии, которые обычно имеют чёткую обратимую природу и поддаются полному или частичному излечению. Патологическое опьянение, патологический аффект, сумеречные расстройства сознания или иные исключительные состояния, возникающие у лиц, ранее не страдавших психическими расстройствами, требуют весьма тщательной правовой оценки. Вопрос о признании субъекта невменяемым в подобных ситуациях напрямую зависит от того, действительно ли в момент противоправного деяния человек не мог понимать смысл своих действий и руководить ими из-за кратковременного «взрыва» психической сферы. При патологическом опьянении, например, индивид впадает в состояние полной дезориентации и галлюцинаторных образов, что существенно отличает его от обычного алкогольного опьянения. Отдельно следует отметить алкогольные психозы, при которых могут возникать тяжелые формы расстройства (белая горячка или делирий), сопровождающиеся полным помрачением сознания [22, с. 40].

Однако, как подчёркивает Н.А. Ершов, правоприменительная практика должна учитывать специфику происхождения временного психического расстройства, исключая случаи, когда сам виновный довёл себя до подобного состояния сознательно (например, систематическое употребление алкоголя) и при этом сохранял возможность предвидеть риск наступления подобных психозов [14, с. 51].

Другая важная категория медицинского критерия невменяемости связана со слабоумием, под которым понимается стойкое поражение

умственной деятельности, выражающееся в серьёзном снижении интеллектуального уровня и критических функций. Подобные изменения могут носить врождённый характер или возникать вследствие травм, интоксикаций и иных негативных факторов. В психиатрии принято различать три степени слабоумия: дебильность (лёгкая), имбецильность (средняя) и идиотия (тяжёлая). При более лёгких формах не всегда имеется основание освобождать человека от уголовной ответственности: зачастую при дебильности сохраняется способность к частичному осознанию своих действий, хотя она и заметно ограничена. Идиотия или глубокая имбецильность, напротив, исключают возможность понимания не только социальной сущности деяния, но и его фактической стороны. При этом судам необходимо внимательно анализировать характер конкретных проявлений, чтобы не ставить знак равенства между низким уровнем знаний субъекта и отсутствием способности осознавать правовую значимость своих поступков.

Последний элемент, входящий в структуру медицинского критерия невменяемости, – иные болезненные состояния психики. Речь идёт о психических отклонениях, не классифицируемых как строго «процессуальные» расстройства (в понимании психиатрической науки), но всё же оказывающих существенное влияние на волевою и интеллектуальную сферу человека. К примеру, сюда относятся некоторые формы психопатий с выраженными аномалиями эмоционально-волевой сферы, психогенные расстройства, возникающие после тяжёлых инфекционных заболеваний, а также нервно-психические изменения у лиц, страдающих наркозависимостью.

Как подчёркивает Е. В. Петрова, тот факт, что перечисленные состояния не всегда признаются клинически «тяжёлыми», не должен вводить в заблуждение: в определённых условиях и при соответствующей совокупности симптомов подобная патология способна радикально влиять на социальное поведение человека, фактически лишая его возможности руководить собственными поступками [35, с. 27].

Особо подчёркивается, что наличие любого из перечисленных расстройств само по себе не гарантирует признания лица невменяемым. Главное состоит в установлении прямой связи между психическим состоянием индивида и его неспособностью осознавать фактическую сторону противоправного деяния или управлять собственным поведением в конкретный момент. Данный подход согласуется с принципом индивидуализации, закреплённым в отечественном уголовном праве: психическое расстройство оценивается сквозь призму его влияния на реализацию волевого и интеллектуального контроля. При отсутствии такой связи суд не вправе объявлять человека невменяемым. Таким образом, медицинский критерий представляет собой лишь условие, без которого невозможно признать лицо невменяемым, однако само это условие требует дополнения юридическим критерием.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что медицинский критерий невменяемости в уголовном праве выступает многоаспектным конструктом, охватывающим самые разные формы психопатологии: от хронических психических заболеваний до краткосрочных острых состояний. Каждая из этих форм может иметь различные степени тяжести и индивидуальные особенности протекания, что усложняет оценку поведения лица в юридически значимой ситуации.

Уголовный закон, ориентируясь на гуманистические принципы и при этом защищая интересы общества, исходит из необходимости выяснить реальную способность субъекта руководить поступками и понимать их социальную опасность.

Только если психическая болезнь лишает индивида этой способности, появляется основание признавать человека невменяемым и применять к нему меры медицинского характера.

3.3 Юридический критерий невменяемости

Юридический (или психологический) критерий невменяемости в уголовном праве Российской Федерации основан на принципиальном положении о том, что лицо может не подлежать уголовной ответственности, если в момент совершения деяния оно не осознавало фактический характер и общественную опасность своего поведения либо не имело возможности руководить собственными поступками. Указанное правило закреплено в части 1 статьи 21 УК РФ, где подчёркивается взаимосвязь психических расстройств с отсутствием волевого и (или) интеллектуального контроля индивида над его действиями [52]. Рассматривая особенности юридического критерия, отечественные исследователи, как правило, выделяют два ключевых момента: интеллектуальный и волевой. Их совокупное проявление, либо достаточная выраженность хотя бы одного из них, способна лишить человека способности полноценно воспринимать реальность и принимать решения в юридически значимой ситуации.

Интеллектуальный момент юридического критерия подразумевает объективную неспособность лица осознавать фактическую сторону и общественную опасность совершённых им действий (или бездействия). При наличии глубокой деформации мышления, которая может возникнуть в силу психического недуга, индивид теряет адекватное представление о причинах и последствиях своего поведения. Так, если человек по причине серьёзного расстройства сознания не воспринимает физическое содержание своих поступков и не понимает их социального смысла, отсутствует необходимая предпосылка для признания его вменяемым. В такой ситуации невозможно говорить о вине как о сознательном и целенаправленном отношении к общественно опасному деянию. Напротив, искажение познавательной деятельности блокирует надлежащую оценку действительности и не даёт возможности лицу критически осмыслить собственную роль в развитии причинно-следственных связей [34, с. 76].

В научной литературе интеллект указывается как основополагающая категория, определяющая способность человека прогнозировать последствия своего поведения. По мнению В.П. Игнатьева, чрезвычайно важно разграничивать недостаточную интеллектуальную развитость, характерную для определённых социальных условий, и патологические нарушения мышления, вызванные психическими заболеваниями. Исследователь полагает, что в ряде случаев лицо, имеющее низкий уровень образования или ограниченные познавательные навыки, тем не менее способно осознавать фактическую сторону и общественную опасность своих поступков. Однако при наличии настоящего психического расстройства адекватное восприятие и обработка информации становятся недостижимыми, что препятствует пониманию реального вреда и запретности деяния [17, с. 20].

Волевой момент юридического критерия невменяемости предполагает отсутствие у человека возможности руководить собственными действиями. Другими словами, даже если лицо частично осознаёт, что поступает неправильно, психические патологии могут парализовать его способность контролировать поведение, останавливать противоправные намерения и следовать требованиям закона. В отдельных ситуациях у субъекта сохраняются отрывочные представления о противоправном характере совершаемых действий, однако аномалии воли не позволяют ему сдерживать агрессивный импульс, патологическое влечение или любое другое деструктивное состояние. Формально личность может понимать, что нарушает уголовно-правовой запрет, но её волевой аппарат оказывается настолько повреждённым, что любые действия по сдерживанию противоправного поведения становятся невозможными.

В контексте этой проблематики М.К. Стариков подчёркивает, что волевой момент тесно переплетается с эмоциональной сферой человека. Поясняя данную мысль, учёный указывает, что при ряде психических расстройств пациенты подвержены чрезвычайно выраженному аффективному воздействию, которое искажает способность критически оценивать

собственные желания. Возникает феномен «внутренней несвободы», при которой лицо испытывает мощный патологический позыв к тому или иному действию, но не располагает инструментами для его подавления. Этот аспект наглядно демонстрирует, что волевой компонент является незаменимой составляющей юридического критерия невменяемости: осознание деяния ещё не гарантирует наличие у человека контроля над своими поступками [50, с. 26].

Подчёркивая необходимость комплексного анализа интеллектуального и волевого моментов, большинство современных исследователей отмечают, что данные элементы крайне редко проявляются в одинаковой степени. В некоторых случаях преобладает интеллектуальный дефект, полностью лишаящий субъекта способности понимать суть и последствия своих действий; в иных ситуациях на первый план выходит волевой изъян, когда обвиняемый формально сознаёт противоправность поведения, но не может ему воспрепятствовать. При этом важно доказать прямую связь психического расстройства с утратой волевой или интеллектуальной регуляции. Как указывает О.Л. Панфилова, юридический критерий невменяемости не должен подменять собой медицинский диагноз, и только в случае, когда болезненное состояние психики реально затрагивает высшие психические функции личности, суд может прийти к выводу о невозможности привлечения лица к уголовной ответственности [24, с. 76].

Особо стоит отметить, что концепция юридического критерия невменяемости тесно связана с гуманистическими принципами российского уголовного права. Законодатель исходит из того, что наказание достигает своих целей лишь в отношении того, кто способен осмысленно действовать, руководствоваться регуляторами права и морали. Если же психическое расстройство индивида блокирует эти регуляторы, само существование виновного отношения перестаёт быть возможным, поскольку деяние утрачивает субъективно-волевой характер. С другой стороны, освобождение от уголовной ответственности такого лица вовсе не означает бездействие

государства: к нему применяются принудительные меры медицинского характера, призванные оградить общество от возможных повторных посягательств и одновременно обеспечить лечение или социальную реабилитацию больного.

Таким образом, юридический (психологический) критерий невменяемости вбирает в себя два глубоко взаимосвязанных аспекта: интеллектуальный и волевой. Интеллектуальный аспект фокусируется на способности субъекта полноценно осознавать содержание и опасность своих действий, а волевой – на умении управлять собственным поведением, сдерживать противоправные импульсы и следовать социально приемлемым моделям. Данные элементы в совокупности образуют основу для правового анализа психических процессов, необходимых при установлении невменяемости. Если лицо лишено одного или обоих компонентов, возникает феномен неосознанных или неконтролируемых поступков, несовместимых с логикой виновного совершения деяния. Именно поэтому законодатель и судебная практика при решении вопроса о невменяемости оценивают степень нарушения осмысленной деятельности обвиняемого, исходя из прямой зависимости между психопатологией и отсутствием интеллектуально-волевого контроля. Следствием такого подхода становится возложение на экспертов-психиатров серьёзной ответственности: их выводы не ограничиваются лишь медицинской диагностикой, но и затрагивают социально-правовой уровень, формируя основу для судебного решения о возможности или невозможности признания человека субъектом уголовной ответственности.

3.4 Ограниченная вменяемость и ее значение

Институт ограниченной вменяемости, предусмотренный статьёй 22 УК РФ, обладает существенным значением для индивидуализации уголовной ответственности и назначения принудительных мер медицинского характера.

Несмотря на то, что ограниченная вменяемость не исключает самого факта вменяемости и, соответственно, не освобождает лицо от уголовной ответственности, законодатель устанавливает особый порядок учёта психических расстройств, не достигающих степени невменяемости. Данная модель позволяет учитывать психические особенности правонарушителя, что способствует более справедливому определению вида и размера наказания, а также, при наличии соответствующих медицинских показаний, предполагает назначение амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра. В настоящее время ограниченная вменяемость рассматривается в правовой доктрине как самостоятельная категория, промежуточная между полной вменяемостью и невменяемостью, однако принципиально отличающаяся от обоих состояний. Статья 22 УК РФ прямо указывает на то, что при наличии психического расстройства, не исключающего вменяемости, лицо продолжает оставаться субъектом преступления, но особенности его психики должны учитываться при решении вопроса о наказании и мерах медицинского характера. По мнению Д.А. Чернова, концепция ограниченной вменяемости способствует гуманизации уголовного права, позволяя обеспечить дифференцированный подход к лицам, чьи психические отклонения оказывают прямое влияние на степень общественной опасности их поступков и возможность их критической оценки в момент совершения деяния [57, с. 31]. В соответствии с частью 2 статьи 22 УК РФ психическое расстройство, не исключающее вменяемости, суд обязан принимать во внимание при назначении наказания. При этом законодательством не установлено автоматическое смягчение ответственности: для снижения меры уголовно-правового воздействия суду необходимо установить причинную связь между психическим расстройством и совершённым преступлением. Если такие отклонения (хронические, временные, иные болезненные состояния) действительно повлияли на возможность лица полноценно осознавать фактическую сторону и общественную опасность собственных действий либо руководить ими, суд вправе признать данное обстоятельство

смягчающим наказанием и назначить дополнительные меры медицинского характера в порядке, предусмотренном частью 2 статьи 97 УК РФ [52].

Следует обратить внимание, что ограниченная вменяемость устанавливается не только по заключению медицинских экспертов, но и в рамках юридической оценки комплексных материалов уголовного дела. Соответственно, вывод о «снижении» психических функций правоприменитель делает, опираясь на результаты судебно-психиатрической экспертизы, свидетельские показания, характеристики поведения лица как до преступления, так и после его совершения. По мнению Е.Ф. Дубровина, ограниченно вменяемые лица зачастую сохраняют некоторую способность к пониманию своих действий, однако дефект в их волевой или интеллектуальной сфере обуславливает повышенную уязвимость к внешним и внутренним факторам. Следовательно, учёт данного обстоятельства обеспечивает не только справедливое наказание, но и реализацию принципа охраны общества, поскольку суд может назначить амбулаторное наблюдение у психиатра для недопущения повторных противоправных действий [11, с. 46].

Значимую роль в практике применения статей 22, 97 и 99 УК РФ играют разъяснения высших судебных инстанций. Так, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 07.04.2011 № 6) предписывает, что суды должны надлежащим образом мотивировать решение о назначении таких мер, опираясь на комплексное психолого-психиатрическое освидетельствование и устанавливая опасность лица для себя или окружающих. В частности, пункт 4 указанного Постановления определяет необходимость тщательного исследования вопроса о том, в какой мере психическое расстройство повлияло на механизм преступного поведения [38].

Актуальным примером, отражающим специфику применения положений статьи 22 УК РФ, является Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27.09.2018 № 38-АПУ18-5 по делу № 2-5/2018, в

котором суд учёл наличие у осуждённой психических расстройств, не исключающих вменяемость, и назначил ей принудительное наблюдение у врача-психиатра наряду с наказанием. При этом высшая судебная инстанция, анализируя доказательства, указала на то, что наличие психических отклонений напрямую сказалось на способности осознавать характер совершаемых действий. В результате наказание было смягчено, что демонстрирует индивидуализацию ответственности с опорой на ограниченную вменяемость [2]. Ещё одним наглядным примером служит Постановление Оренбургского областного суда от 03.12.2018 № 4У-1789/2018 по делу № 44у-196/2018, где осуждённый, ссылаясь на наличие у него психического расстройства, требовал замены наказания принудительными мерами медицинского характера. Однако эксперты не выявили необходимости в подобном лечении, и суд счёл доводы стороны защиты необоснованными. Тем самым подчёркивается, что не всякое психическое отклонение влечёт автоматическую классификацию субъекта как ограниченно вменяемого; решающее значение имеет степень влияния заболевания на волевую и интеллектуальную сферу в момент противоправного деяния [37]. В судебной практике особый интерес представляет и Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.05.2023 № 53-УД23-8СП-А5, где в отношении осуждённого Еремина Д.В. был признан факт его ограниченной вменяемости (психическое расстройство не исключало способности частично осознавать опасность собственных действий и руководить ими) [32]. Суд, исходя из комплексной психолого-психиатрической экспертизы, назначил виновному наказание в виде лишения свободы, одновременно утвердив принудительное наблюдение и лечение у психиатра в амбулаторных условиях. Этот судебный акт подчёркивает, что ограниченная вменяемость сохраняет уголовно-правовой статус субъекта преступления, но влечёт специальные правовые последствия, направленные на коррекцию психического состояния лица и предотвращение новых посягательств. Следует отметить, что при рассмотрении этого дела суд

неоднократно анализировал вопрос о том, в какой мере зафиксированное расстройство личности влияло на формирование умысла и способность управлять поведением. По мнению суда, данные медицинской экспертизы и свидетельские показания позволяли заключить, что обвиняемый не мог полностью контролировать свои действия, однако степень расстройства не исключала его вменяемости [33]. Обобщая изложенное, можно констатировать, что ограниченная вменяемость является значимым правовым инструментом, позволяющим суду выявлять психические аномалии, которые не достигают уровня невменяемости, но всё же существенно отражаются на процессах восприятия и воли индивида. При этом, как указывает Л.И. Архипова, развитие данного института призвано укреплять гуманистическое начало отечественного уголовного права, поскольку признание психического расстройства неотъемлемой составляющей поведения правонарушителя обеспечивает правильное понимание его мотивов и своевременную медико-психологическую помощь [1]. Ограниченная вменяемость призвана сохранять баланс между необходимостью назначения справедливого наказания и охраной общественных интересов: лицо не уходит от ответственности, однако может рассчитывать на более гибкие формы реакций государства, в том числе меры медицинского характера в амбулаторных условиях.

Таким образом, ограниченная вменяемость свидетельствует о том, что психическое здоровье субъекта и особенности его эмоционально-волевой сферы не могут игнорироваться при оценке противоправного поведения. Инкорпорация данного института в российское уголовное законодательство отражает стремление законодателя к индивидуализации наказания, защите как общества, так и прав самого обвиняемого. Судебная практика подтверждает значимость статьи 22 УК РФ, делая акцент на установлении причинной связи между психическим расстройством и совершённым преступлением, а также на необходимости медицинской помощи лицам, частично утратившим способность к осознанному и волевому поведению.

Глава 4 Специальный субъект преступления

4.1 Понятие специального субъекта преступления

В отечественном уголовном праве термин «специальный субъект преступления» используется для обозначения лиц, обладающих особыми, прямо или косвенно закреплёнными в законе свойствами, которые ограничивают круг потенциальных исполнителей конкретного преступления. Иными словами, при наличии специального субъекта само деяние может быть совершено только тем лицом, которому присущи дополнительные характеристики (кроме вменяемости, физической природы и достижения требуемого возраста). Такие характеристики вытекают из природы охраняемых уголовным законом отношений, предполагающих специализированный правовой статус либо особые функциональные обязанности виновного.

Важнейшая черта специального субъекта состоит в том, что его признаки либо прямо перечислены в диспозиции соответствующей нормы, либо вытекают из систематического толкования закона. В первом случае законодатель детально описывает свойства лица, способного нарушить правила обращения, скажем, с опасными объектами (например, субъектом в статье 219 УК РФ выступает лицо, на котором лежала обязанность соблюдать правила пожарной безопасности). Во втором случае специальные признаки устанавливаются путём логического анализа: так, в статье 352 УК РФ о нарушении правил кораблевождения не фигурирует прямое упоминание о категории военнослужащих, ответственных за управление судном, но очевидно, что иные граждане не могут нести данную обязанность [52].

Следует отметить, что понятие специального субъекта возникает в уголовном праве не с целью искусственно сужать круг лиц, подлежащих ответственности. Напротив, такая дифференциация отражает специфику отдельных отношений, охраняемых законом. По мнению С.Н. Золина,

институт специального субъекта обеспечивает более точное соответствие между характером социального вреда и статусом нарушителя, что создаёт дополнительную гарантию справедливости при привлечении к уголовной ответственности. Исследователь подчёркивает, что во многих составах, связанных с выполнением профессиональных, воинских или должностных обязанностей, круг возможных исполнителей заранее ограничен, и именно поэтому законодатель указывает на особые свойства субъекта либо намекает на них путём описания специального вида деятельности [16, с. 52].

Анализ действующего законодательства показывает, что законодательство неоднократно обращается к категории специального субъекта. Например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» даёт разъяснения относительно лиц, обязанных соблюдать нормы пожарной безопасности (руководители предприятий, собственники жилья и др.). Подобные лица обладают специальным юридическим статусом, который является неотъемлемой частью объективной стороны соответствующего состава. Нельзя признать субъектом данного преступления гражданина, на которого не возлагались подобные обязанности [41].

Одним из ярких примеров специального субъекта является военнослужащий, совершающий преступления против военной службы. В соответствии со статьёй 331 УК РФ, а также положениями Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», субъектами таких деяний могут быть лишь лица, проходящие военную службу по призыву или контракту, а равно граждане, пребывающие в запасе, но только в период военных сборов [54]. Посторонний человек, не наделённый правовым статусом военнослужащего, не может быть исполнителем подобных правонарушений. Если он способствовал совершению преступления, его деяние может рассматриваться лишь в качестве соучастия с соответствующей

квалификацией по статье 33 УК РФ. Данный тезис подтверждается также частью 4 статьи 34 УК РФ, указывающей, что специальный характер субъекта при исполнении преступления служит непреодолимым барьером для признания других лиц его соисполнителями. Они могут нести ответственность только как организаторы, подстрекатели или пособники [52].

Сходные принципы прослеживаются и в сфере должностных преступлений, когда законодатель подчёркивает необходимость проверки соответствия лица статусу «должностного лица», как это следует из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». Если лицо назначено на должность с грубым нарушением закона (например, не имело требуемого стажа или образования) и формально не могло выполнять функции, предусмотренные соответствующим правовым актом, возникнет вопрос о правильной квалификации действий такого «псевдодолжностного лица». Суды в подобных ситуациях обязаны проверять, действительно ли человек был включён в специальные отношения, чтобы судить о наличии или отсутствии необходимого признака субъектности [39].

По мнению М.Р. Сметаниной, специальные обязанности в сфере воинской, профессиональной или должностной деятельности являются центральным элементом конструкции соответствующего состава: только те, кто законным образом вовлечён в эти отношения, могут посягать на установленные в них правила. Исходя из этого, исследователь делает вывод о том, что специальный субъект всегда «привязан» к объекту, охраняемому законом, и при недоказанности таковой связи речь о преступлении со специальным составом идти не может [49, с. 42].

Большое практическое значение институт специального субъекта приобретает и при рассмотрении дел, связанных с призывом на военную службу или альтернативную гражданскую службу. Так, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике

рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» акцентирует внимание на возрастных пределах (18-27 лет), связанных с возникновением специальной обязанности у гражданина. Лицо, которое уже достигло 27 лет, но до этого уклонялось от призыва, может привлекаться к ответственности лишь в случае, когда преступление было совершено до наступления указанного возраста и если не истекли сроки давности [40].

Особым примером специального субъекта выступает водитель механического транспортного средства при нарушениях правил дорожного движения. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», субъектом преступлений по статьям 264 и 264.1 УК РФ может являться не только обладатель водительского удостоверения, но и любое лицо, фактически управляющее транспортным средством (даже при отсутствии формального права управления). Эта позиция демонстрирует, что законодатель под «специальным» субъектом в данном случае понимает того, кто непосредственно осуществляет движение машины, ибо именно на него возлагается обязанность соблюдать правила дорожного движения [42].

Помимо указанных примеров, уголовный закон упоминает и другие признаки, формирующие категорию специального субъекта. Речь может идти об особых требованиях к гражданству, полу, степени родства или принадлежности к конкретному профессиональному сообществу. Кроме того, данные признаки могут иметь различное значение в структуре состава: в одном случае они входят в основной состав (например, государственная измена по статье 275 УК РФ допускает в качестве исполнителя лишь гражданина Российской Федерации), в другом - выступают в роли квалифицирующих (ч. 2 ст. 150 УК РФ о вовлечении несовершеннолетнего в преступную деятельность родителем, педагогом или лицом, обязанным

осуществлять надзор), в третьем – служат смягчающим или, наоборот, отягчающим обстоятельством [52].

Наконец, следует подчеркнуть, что Н.В. Шестерина в своих работах справедливо указывает на необходимость тщательной оценки фактических обстоятельств, подтверждающих наличие у лица статуса специального субъекта. Исследователь обращает внимание на то, что расширительное толкование специальных обязанностей может приводить к неправомерному возложению уголовной ответственности на граждан, не вовлечённых в соответствующие отношения. Данная проблема особенно актуальна в ситуациях, когда деяние пересекается с трудовым, военным или административным правом, и суд должен разделять юридический статус человека как потенциального субъекта и фактические действия, нарушающие установленный порядок [59, с. 31].

Таким образом, сущность специального субъекта преступления состоит в том, что лицо, обладая дополнительными признаками, прямо или косвенно закреплёнными в диспозиции уголовно-правовой нормы, посягает на специальные, узкопрофильные отношения, охраняемые законом. Значение этого института заключается в индивидуализации ответственности: не всякий гражданин способен совершать преступление, требующее выполнения определённой функции или обладания особыми обязанностями. При правильном использовании положений о специальном субъекте уголовное законодательство достигает баланса между защитой общественных интересов и уважением принципа справедливости, обеспечивая, чтобы наказание применялось только к тем, кто действительно мог и должен был соблюдать особые правила поведения, но, обладая специальным правовым статусом, их сознательно нарушил.

4.2 Виды специальных субъектов в Уголовном кодексе Российской Федерации

Разнообразие специальных субъектов в уголовном праве Российской Федерации детерминируется не только потребностями более тонкой дифференциации ответственности, но и спецификой охраняемых уголовным законом отношений. В ряде случаев законодатель прямо указывает на дополнительные качества лица, необходимые для признания его субъектом конкретного преступления; в иных ситуациях данные свойства выявляются путём толкования норм, учитывающих специфику определённых функциональных обязанностей или профессионального статуса. Объединяющим признаком здесь выступает то, что, помимо свойств общего субъекта (физическое лицо, вменяемость, достижение минимального возраста уголовной ответственности), лицо обладает дополнительными характеристиками, делающими его ответственность особой. Именно поэтому при рассмотрении подобных уголовных дел правоприменитель обязан всесторонне анализировать, обладает ли обвиняемый теми признаками, которые указаны или подразумеваются в законодательстве.

При этом нельзя не отметить, что действующий УК РФ не содержит единой статьи или главы, систематизирующей специальные свойства субъекта, что нередко порождает проблемы в квалификации преступлений. По мнению Л.Г. Ладжиной, отсутствие чёткой кодифицированной дефиниции специального субъекта затрудняет задачу практикующего юриста и вынуждает его обращаться к судебной практике, нормативным разъяснениям и доктринальным источникам. Учёная подчёркивает, что эти источники, хоть и обеспечивают определённую унификацию, не могут заменить собой прямого законодательного регулирования [24, с. 60].

В научной литературе предпринимаются различные попытки классифицировать специальные субъекты. Наиболее распространённым является подход, при котором дополнительные признаки распределяют по

группам, исходя из их правового содержания и связи с той или иной сферой общественных отношений. На практике можно выявить несколько крупных блоков, отражённых в нормах Особенной части УК РФ.

Субъекты, наделённые особыми профессионально-должностными функциями, к которым относятся лица, несущие профессиональные или служебные обязанности, нарушение которых влечёт за собой уголовную ответственность. Примером могут быть должностные лица, проходящие военную службу военнослужащие, а также лица, занимающиеся специфической деятельностью (врачи, юристы в особых случаях, руководители транспортных средств и др.) [18, с. 35]. Законодатель часто прямо указывает на такие характеристики. Так, в статье 219 УК РФ субъектом может являться лицо, на которое возложена обязанность соблюдать правила пожарной безопасности (подтверждено в пункте 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем»). Аналогично, в преступлениях против военной службы (глава 33 УК РФ) субъектом выступает лишь военнослужащий или гражданин, пребывающий в запасе, во время прохождения им военных сборов (ст. 331 УК РФ, а также статья 22 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе») [41].

Существует и особая подкатегория должностных лиц в смысле статей 285-286 УК РФ и смежных норм. Как следует из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», наличие у субъекта статуса должностного лица (либо незаконное занятие соответствующей должности при отсутствии необходимых правовых оснований) влияет на правильную квалификацию, а в ряде случаев – на возможность привлечения к ответственности за должностное преступление [39].

Субъекты, обладающие специфическими социально-демографическими или личными характеристиками. Данные признаки связаны, как правило, с полом, возрастом, родством, наличием определённых медицинских состояний или семейных обязанностей. В числе подобных преступлений встречаются, например, деяния, субъектом которых может быть только женщина (ст. 106 УК РФ – убийство матерью новорождённого ребёнка). Другой пример – вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), где исполнителем может признаваться только совершеннолетнее лицо. Нередко данный вид признаков прямо отражён в норме, однако в ряде случаев вывод о его наличии делается толкованием. Так, статья 121 УК РФ, предусматривающая ответственность за заражение венерической болезнью, прямо подразумевает, что субъект знает о своём заболевании. Или же при уклонении от призыва на военную службу (ст. 328 УК РФ), субъектом будет гражданин мужского пола, входящий в возрастную категорию 18-27 лет (подтверждается Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы») [40].

По мнению С.А. Дружинина, подобные социально-демографические критерии образуют конструктивные признаки ряда составов, подчёркивая усиленную защиту отдельных категорий интересов (например, защита здоровья несовершеннолетних, обеспечение воинского призыва) и позволяя законодателю ограничить круг ответственных лиц чётко обозначенными социальными параметрами.

Субъекты, обладающие особым правовым статусом или юридической привязанностью к объекту охраны. К данной группе обычно относят лиц, чьё гражданство (ст. 275 УК РФ – государственная измена, где субъект – гражданин РФ; ст. 276 УК РФ – шпионаж, где субъект – иностранец) или иной формальный статус прямо указывают на наличие между субъектом и охраняемым объектом специфических связей. Аналогичный механизм

действует в ситуациях, когда человек должен иметь авторитет и правомочие на принятие тех или иных решений (к примеру, судья, способный совершить преступление, предусмотренное ст. 305 УК РФ – вынесение заведомо неправосудного приговора) [52].

Нередко субъект при подобных посягательствах выступает в «особых» правовых отношениях с государством или обществом. Так, в преступлениях против интересов государственной службы, предусмотренных в разделе о коррупционных и должностных деликтах, исполнителем может считаться лишь лицо, уполномоченное законом на совершение публично-правовых действий. Аналогичный принцип действует для налоговых преступлений (ст. ст. 198-199 УК РФ), подразумевающих обязательность наличия у субъекта правового статуса плательщика налогов – в ином случае само уклонение от их уплаты невозможно.

Субъекты, чья характеристика отражается в совокупности нескольких групп признаков. В практике иногда встречаются случаи, когда в одном составе воплощаются несколько критериев: должностное положение, профессиональная принадлежность и конкретные возрастные или родственные свойства. К примеру, ч. 2 ст. 150 УК РФ квалифицирует вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность родителем либо педагогом, причём в такой ситуации автор обязан обладать не только свойством совершеннолетнего лица, но и правовым или фактическим отношением к воспитанию ребёнка.

С учётом вышесказанного в научной доктрине выделяется также функциональный аспект, указывающий, что специальные признаки могут играть различную роль в структуре состава преступления:

- конструктивные признаки основного состава: когда без дополнительного свойства субъекта сам состав невозможен (например, ст. 275 УК РФ «Государственная измена»);

- квалифицирующие признаки: когда основная конструкция состава есть, но дополнительное свойство (должностное лицо, родитель и т. д.) повышает ответственность (например, ч. 2 ст. 150 УК РФ);
- обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание: когда признаки специального субъекта не входят в основной или квалифицированный состав, но учитываются при определении вида и размера наказания (например, пункты «м» и «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Важное значение при этом сохраняют судебные разъяснения. К примеру, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» иллюстрирует, как законодатель трактует особое свойство субъекта – «водитель механического транспортного средства». Им признаётся не только лицо, формально имеющее водительское удостоверение, но и всякий, кто фактически управляет транспортным средством, включая того, кто лишён права управления. Это подчёркивает гибкость критериев специального субъекта и расширительный подход, ориентированный не только на формальные документы, но и на реальное поведение [42].

Следовательно, виды специальных субъектов в УК РФ охватывают обширный спектр: от должностных лиц и военнослужащих до лиц с особыми демографическими характеристиками или специфическим правовым статусом. Их общность состоит в том, что все они выходят за рамки общих признаков субъекта преступления и нуждаются в подтверждении наличия дополнительных качеств, обусловленных природой объекта посягательства. Практическая задача следствия, суда и сторон заключается в том, чтобы правильно установить данное сочетание статуса обвиняемого и деяния, а также определить, были ли у лица реальные возможности и основания для исполнения соответствующих обязанностей. Отсутствие хотя бы одной специфической характеристики означает, что субъект не может быть признан

исполнителем именно по этому специальному составу, хотя не исключает иного вида уголовной ответственности (например, за соучастие). Официальное же нормативное закрепление категорий специальных субъектов могло бы упростить процесс квалификации и снизить риск ошибок при правоприменении. Тем не менее на современном этапе эта задача остаётся во многом неурегулированной, и правоприменитель вынужден опираться на многочисленные постановления высших судебных органов, руководствуясь при этом системным анализом норм УК РФ.

Таким образом, классификация специальных субъектов не сводится к узкому перечню – она отражает совокупность конкретных правовых признаков, связанных с социальным и профессиональным статусом, положением в семье, гражданством, полом, возрастом и иными юридически значимыми аспектами. Именно многообразие указанных характеристик придаёт институту специального субъекта гибкость и возможность охватить все отношения, охраняемые уголовным законом, но вместе с тем делает задачу правильной квалификации достаточно сложной и ответственной.

Глава 5 Личность преступника как объект криминологического и уголовно-правового исследования

5.1 Понятие личности преступника, ее структура, социальное и уголовно-правовое значение

Проблема личности преступника на протяжении длительного времени находится в центре внимания исследователей, поскольку от понимания особенностей субъекта, совершающего преступление, в значительной мере зависит эффективность борьбы с преступностью. Личность преступника рассматривают не только как объект правового анализа, но и как феномен, тесно связанный с социально-психологическими и моральными аспектами поведения. Изучение мотивов и качеств человека, преступающего уголовно-правовой запрет, формирует базу для индивидуализации наказания, разработки мер предупреждения рецидива и оптимизации уголовно-правовой политики государства.

В наиболее общем виде личность преступника трактуется как совокупность социально значимых черт, сформировавшихся в ходе жизнедеятельности индивида и стимулировавших его на совершение преступления. Этот подход подчёркивает, что человек, вступающий в конфликт с уголовным законом, не теряет свой статус члена общества и продолжает оставаться носителем определённых мировоззренческих установок, морально-психологических свойств и индивидуальных жизненных целей. Как отмечает В.Н. Лотников, личность преступника нельзя свести лишь к факту противоправного деяния; напротив, необходимо учитывать многогранный контекст - от воспитания и социальной среды до конкретных психических и поведенческих реакций субъекта, оказывающихся решающими в момент совершения преступления [27, с. 26].

В криминологической науке одним из ключевых направлений является исследование структуры личности, позволяющее выяснить, каким образом в

конкретном индивиде сочетаются социальные, психические и уголовно-правовые характеристики. Традиционно выделяют три основных блока:

- социально-демографический блок. В него включают половую и возрастную принадлежность, уровень образования, род занятий, материальное и семейное положение. Статистические данные показывают, что мужское население чаще вовлекается в уголовно наказуемые действия, однако это вовсе не означает, что женщины не совершают преступлений. Возрастной диапазон от 18 до 29 лет нередко выделяется как наиболее криминогенный, в силу амбивалентного сочетания социальной незрелости и существенного влияния среды. Сюда же относят место жительства и уровень социальной интегрированности: отсутствие стабильного трудоустройства или поддерживающих социальных связей способно стать фактором, увеличивающим риск криминального поведения.
- нравственно-психологический блок. В рамках этого направления исследуются ценностные ориентации, установки, уровень эмпатии, а также способность индивида контролировать и направлять свои аффекты. Многие правонарушители демонстрируют повышенную агрессивность, склонность к мгновенным импульсивным реакциям, а порой и отсутствие чуткости к окружающим. Значительный удельный вес криминальных деяний совершается на почве алкоголизма или наркотической зависимости, сопровождающихся деформацией волевых качеств личности. Как показывает практика, наличие устойчивых негативных черт - жестокость, цинизм, безответственность – часто коррелирует с рецидивом.
- уголовно-правовой блок. Сюда относятся характеристики, связанные непосредственно с правовым статусом субъекта: наличие судимостей, вид и длительность противоправной деятельности, выбранные способы и формы реализации преступного замысла, а также роль в совершённом деянии (организатор, исполнитель,

соучастник). Нередко лица, не в первый раз идущие на преступление, имеют более чёткую криминальную мотивацию, приобретают навыки конспирации или же формируют особое «профессиональное» сообщество. Установление данной категории признаков важно при определении степени общественной опасности индивида и выборе соответствующих мер наказания или исправительного воздействия.

Каждый человек включён в систему общественных отношений. Лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, одновременно является носителем определённых социальных ролей: гражданин, член семьи, сотрудник организации и т.д. Совершение преступления указывает на разрыв или искажение этих ролей, что порождает противоречие с нормами права и морали. По мнению О.Б. Барковского, изучение социальной составляющей личности преступника позволяет раскрыть источники криминальной мотивации, связанные с дисфункцией семьи, групповых отношений или социальной адаптации. Учёный подчёркивает, что профилактика рецидивной преступности должна строиться не только на репрессивной политике, но и на мерах социальной реинтеграции, позволяющих вернуть правонарушителя к конструктивному взаимодействию с обществом [3, с. 50].

К социальному значению относится также вопрос об оценке общественной опасности индивида. Если личность характеризуется, скажем, длительным периодом антиобщественного поведения, постоянными конфликтами с законом, низким уровнем моральной ответственности, это указывает на более высокую вероятность повторных правонарушений. Напротив, лица, совершившие преступление эпизодически, под влиянием случайных обстоятельств, нередко обладают потенциалом для дальнейшей ресоциализации.

Современный социологический анализ личности преступника исходит из признания системного влияния социально-структурных, культурных и межличностных факторов на формирование девиантного поведения.

Важнейшую роль играет взаимодействие индивида с институтами формального и неформального социального контроля (семья, школа, профессиональное сообщество, религиозные объединения, полиция), воздействующими на процесс первичной и последующей социализации. В условиях дезинтеграции либо дисфункциональности таких институтов риск формирования антиобщественных установок резко возрастает, поскольку система ценностей и норм правонарушителя приспособляется к достижению личных целей любыми, в том числе преступными, средствами. Одновременно исследования подчеркивают, что отсутствие позитивных ролевых моделей и дефицит эмоциональной поддержки могут вызывать чувство социальной отчужденности, находящее выход в насильственных или корыстных деяниях, направленных на компенсацию внутренней неудовлетворенности или самоутверждение за счет нарушения закона.

Схожие выводы содержатся в зарубежных исследованиях, рассматривающих личность правонарушителя в контексте социальной среды. Так, американский социолог Э. Сатерленд указывал на важность «дифференциальной ассоциации» и прямого влияния криминогенных групп, в которых усваиваются негативные нормы и образцы поведения [61, с. 114]. В схожем ключе писал и Т. Селлин, подчёркивая, что культурные конфликты и несогласованность социальных норм в поликультурном пространстве порождают рост преступности и деформируют личность будущего правонарушителя [62, с. 70]. Близкие идеи развивает Р. Мертон, указывая на «аномию» как результат несоответствия между провозглашаемыми обществом целями и ограниченными средствами их достижения [63, с. 86]. По мнению Т. Хирши, степень вовлечённости индивида в социальные институты, наличие эмоциональных связей с семьёй и позитивное окружение существенно снижают вероятность включения в преступную деятельность [64, с. 42]. В свою очередь, М. Готтфредсон обращает внимание на проблему низкого уровня самоконтроля, который, в сочетании с неблагоприятными

социально-экономическими условиями, становится существенным фактором криминализации личности [65, с. 26].

В социологической перспективе особую значимость приобретает анализ субкультуры, в которой пребывает преступник: криминальная либо полукриминальная среда способна существенно корректировать критерии допустимого поведения, оправдывая обман, хищение или угрозу насилием. Помимо этого, уровень социально-экономического благополучия и реальные возможности социальной мобильности оказывают непосредственное влияние на выбор нелегальных стратегий: индивид, не видящий легитимных способов карьерного роста или общественного признания, нередко прибегает к противоправным действиям в качестве альтернативного пути избавления от фрустрации и снижения социальной уязвимости. Итогом такого взаимодействия социума и личности становится криминогенная мотивация, часто сформированная под воздействием неблагоприятных условий воспитания, экономических лишений и дисфункциональных семейных отношений. Учет названных факторов способствует более полному пониманию природы преступного поведения и выявлению глубинных истоков, обуславливающих агрессивную или корыстную направленность действий виновного. При таком подходе реабилитационные и профилактические меры выходят за рамки индивидуальной коррекции: они предполагают трансформацию негативной социальной среды, укрепление системы поддержки уязвимых групп и совершенствование механизмов раннего выявления лиц, склонных к противоправному поведению. Это обеспечивает возможность комплексного влияния на ключевые детерминанты преступного поведения, минимизируя не только непосредственную криминальную активность, но и социальную базу, на которой формируется личность преступника [56, с. 47].

С уголовно-правовой позиции рассмотрение личности преступника тесно связано с вопросами квалификации деяния, индивидуализации наказания и определения мер исправительного воздействия. УК РФ исходит

из принципа, что наказание должно быть не только справедливым, но и соразмерным степени опасности субъекта. Учёт личности правонарушителя помогает суду определить, насколько интенсивны криминальные установки, требуются ли специальные меры безопасности (например, изоляция), либо возможно применение более мягких видов наказания.

В этом контексте обращают внимание на повторность, рецидив, тяжесть предыдущих преступлений, устойчивость антиобщественных установок. По мнению С.А. Ермоленко, в случаях, когда личность преступника демонстрирует выраженную криминальную ориентацию (например, систематический характер правонарушений, членство в организованных группах), необходима повышенная ответственность и более жёсткие ограничения. Исследователь подчёркивает, что именно личные свойства субъекта позволяют дифференцировать подход к наказанию за одно и то же деяние, учитывая реальные предпосылки к исправлению [13, с. 42].

Кроме того, уголовно-правовое значение личности преступника обнаруживается при решении вопроса об опасном рецидиве, освобождении от наказания или смягчении ответственности. Так, суды детально анализируют историю жизни обвиняемого, выясняют, имелись ли социально-психологические обстоятельства, провоцировавшие преступное поведение, был ли человек ранее привлекался к ответственности и т.д. В итоге происходит комплексная оценка рисков повторного совершения деяния и определения того, насколько правомерно применять к нему условное осуждение, отсрочку или обязательную терапию (если сопряжена, например, с алкогольной или наркотической зависимостью).

Признание того факта, что решающее влияние на преступное поведение оказывают индивидуальные качества человека, порождает необходимость разрабатывать адресные профилактические программы, ориентированные на коррекцию негативных свойств личности. Практика доказывает, что воздействие на такую личность должно происходить в нескольких плоскостях: воспитательной, психологической и социальной. При этом профилактика не

сводится к формальным мерам надзора или административному контролю — она должна включать систему мер, направленных на устранение факторов, стимулирующих антиобщественные поступки (например, помощь в трудоустройстве, социальная поддержка, медицинская реабилитация).

Одновременно важно понимать, что личность преступника, несмотря на её исключительную криминальную окраску, не может существовать вне общества. Она остаётся частью более общей системы социальных связей, а значит, коррекционные усилия должны быть сопряжены с изменением социального окружения, вовлечением близких людей, иными мерами поддержки. Таким образом, изучение личности преступника в узкоуголовном аспекте не даст исчерпывающего результата без комплексной социологической, психологической и педагогической оценки.

Личность преступника — одна из важнейших категорий уголовного права и криминологии, отражающая совокупность индивидуальных свойств человека, причастного к совершению преступления. Её структура обычно описывается как слияние социально-демографических, нравственно-психологических и уголовно-правовых признаков. Каждая из этих групп факторов формирует своеобразный «профиль» субъекта, указывая на источники и механизмы противоправного поведения. Социальное значение личности преступника проявляется в её месте и роли в системе общественных отношений: неадекватная социализация, отсутствие нужных ресурсов или психических механизмов самоконтроля влечёт возрастание риска конфликтов с законом. Уголовно-правовое же значение личности преступника состоит в том, что специфика субъекта влияет на характер квалификации, вид и меру наказания, а также перспективы ресоциализации.

Столь комплексный подход даёт основания полагать, что для снижения уровня преступности решающее значение имеет индивидуальная работа с потенциальными правонарушителями и лицами, уже совершившими деяния. Адресное воздействие на личность — будь то коррекция агрессивных установок, социальная реабилитация или иные меры — повышает вероятность

успешного предотвращения рецидива. Система уголовного права, таким образом, выступает не только инструментом карательной реакции на преступление, но и механизмом, способным гибко реагировать на особенности личности обвиняемого, обеспечивая полноценную реализацию принципа справедливости.

5.2 Соотношение понятий «субъект преступления» и «личность преступника»

Соотношение понятий «субъект преступления» и «личность преступника» в отечественной уголовно-правовой науке не утрачивает своей актуальности, поскольку оба термина применяются к одному и тому же индивиду – лицу, совершившему деяние, признанное уголовным законом общественно опасным. Тем не менее, данные категории не могут рассматриваться как синонимы, поскольку каждая из них раскрывает различные аспекты того же явления и опирается на разные цели и методологические предпосылки. Субъект преступления традиционно воспринимается как один из элементов состава преступления: он выступает носителем минимально необходимых признаков, позволяющих возложить на него уголовную ответственность. Уголовное законодательство России (ст. 19 и 20 УК РФ) устанавливает, что субъектом преступления может быть только физическое лицо, достигшее определённого законом возраста, и при этом обладающее способностью осознавать фактический характер собственных действий и руководить ими, то есть вменяемое [52].

Исходя из этого, правоприменитель, прежде всего, обязан проверить наличие у обвиняемого данных свойств и удостовериться, что речь идёт о человеке, обладающем необходимой психической адекватностью для понимания противоправности своего поведения.

Данный подход, в сущности, сводится к логике «минимального набора» юридических признаков, без которых вина и наказуемость оказываются

исключёнными. При этом субъект преступления может содержать дополнительные, специфические черты (например, должностное положение или принадлежность к воинскому статусу), определяющие специальный субъект. Однако такой компонент не затрагивает основной конструкции понятия, предполагающей, что физическое лицо, признаваемое субъектом, способно нести наказание за содеянное.

По мнению Т.Н. Макаровой, субъект преступления в первую очередь выполняет функцию «стартовой точки» в уголовно-правовом дискурсе, поскольку лишь идентификация человека в качестве вменяемого индивида, достигшего установленного законом возраста, открывает возможность суду рассматривать вопрос о его вине и санкциях. Противоположную природу носит понятие «личность преступника», в основе которого лежит расширенный взгляд на мотивы, психические особенности, ценностные ориентации и иные социально-психологические свойства лица, совершившего преступление. Если субъект преступления – это сугубо нормативная категория, позволяющая зафиксировать в акте правосудия сам факт способности нести ответственность, то личность преступника – более широкая конструкция, активно исследуемая криминологией, психологией, социологией и смежными дисциплинами [29, с. 19].

В центре внимания здесь находятся социально-демографические характеристики индивида, его моральная позиция, оценка роли окружающей среды в формировании антиобщественных установок, особенности эмоционально-волевой сферы, а также конкретная криминальная биография. Именно этот комплекс признаков предстаёт решающим при определении глубины общественной опасности правонарушителя, поскольку позволяет суду и правоохранительным органам выйти за рамки формальных признаков состава преступления и обратить внимание на потенциальную склонность к рецидиву, степень агрессивности, мотивы и ценности, руководящие поступками виновного.

По мнению П.Г. Завьялова, личность преступника в криминологическом аспекте представляет собой динамическую систему, складывающуюся из длительного взаимодействия социального окружения и внутренних предрасположенностей индивида, которая при неблагоприятных условиях способна вылиться в устойчивое противоправное поведение. Вследствие этого при назначении наказания либо определении мер превентивного воздействия (например, замены наказания более мягким или, напротив, отказа в условном освобождении) суд обязан учитывать не только факт признания человека субъектом, но и всю совокупность обстоятельств, характеризующих его антисознательные склонности, готовность к исправлению и способность к ресоциализации [15, с. 20].

В этом контексте существенное значение имеет юридическое правило, закреплённое в ст. 60 УК РФ и предусматривающее обязанность суда учитывать личность виновного, что выходит за пределы простой констатации его статуса субъекта. Личность преступника выступает своеобразным «фоном», на котором разворачивается событие преступления, тогда как субъект преступления означает лишь, что данное лицо способно нести ответственность за содеянное. Следует подчеркнуть, что понятие «личность преступника» не встроено непосредственно в структуру состава преступления, а представляет собой самостоятельное направление анализа при индивидуализации наказания, при определении мер исправительного или медицинского характера.

По мнению А.К. Романова, современная уголовная политика не может ограничиваться только формальными признаками субъекта (вменяемость, возраст) при вынесении приговора, поскольку такие характеристики не дают исчерпывающего представления о том, насколько опасен тот или иной человек для общества и какова оптимальная форма воздействия на него. Он указывает, что именно разностороннее изучение личности преступника предоставляет суду богатый материал для надлежащей оценки его прошлых поведенческих паттернов, мотивов, степени криминальной заражённости или, напротив,

потенциальных ресурсов для позитивных преобразований. В результате появляется более гибкий механизм индивидуализации наказания, когда суд с одной стороны соблюдает юридические рамки, установленные для субъекта, а с другой – учитывает реальные особенности характера, уровня социальной адаптации, ценностных приоритетов и прочих факторов, определяющих готовность к дальнейшим преступным деяниям либо, напротив, к исправлению. Учитывая всё вышеизложенное, представляется возможным прийти к выводу, что категории «субъект преступления» и «личность преступника», будучи обращёнными к единой реальности – лицу, совершившему уголовно-наказуемое деяние, – описывают принципиально разные грани этого феномена [44, с. 81].

Субъект преступления – это основа уголовно-правовой конструкции, без наличия которой невозможна постановка вопроса об ответственности, поскольку любые иные элементы состава (объект, объективная и субъективная стороны) будут юридически «не закреплены» за конкретным человеком. Личность преступника же формирует многоплановое представление об индивидуальных особенностях, влияющих на степень общественной опасности деяния и на выбор меры наказания, а также демонстрирует возможные пути предупреждения рецидива и ресоциализации. В пределах судебной практики такая дифференциация ведёт к тому, что выявление субъекта является первичным этапом, удостоверяющим соответствие лица определённым законодательно закреплённым признакам, а анализ личности преступника ориентирован уже на глубинное понимание антисоциальной направленности и устойчивости криминальных убеждений [45, с. 28].

Таким образом, нельзя сводить указанные понятия друг к другу, субъект преступления служит «допуском» к вопросу о вине и наказании, а личность преступника раскрывает содержательный портрет человека, систематически или эпизодически вступающего в конфликт с уголовным законом. Именно поэтому в правоприменительной и научной практике оба аспекта столь важны, один формирует базис для привлечения к ответственности, другой – призван

максимально объективизировать само наказание и методы исправления преступника.

5.3 Типология личности преступников и ее уголовно-правовое значение

Изучение типологии личности преступников на протяжении многих лет служит фундаментальным направлением в криминологической и юридико-психологической науках, поскольку вопрос о том, какие внутренние и внешние факторы определяют формирование антисоциальной установки, имеет прямое отношение к предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений. Каждый человек, нарушивший уголовный закон, не только порождает общественно опасное последствие, но и демонстрирует определённый комплекс личностных свойств, которые влияют на характер и степень общественной опасности содеянного. Типология в данном контексте призвана сгруппировать лиц, совершающих правонарушения, по общим признакам, отражающим сходные механизмы поведения или своеобразные черты психики, благодаря чему органы правопорядка могут точнее прогнозировать дальнейшие действия потенциального нарушителя и избирать более эффективную тактику профилактики.

Рассматривая вопрос о выделении основных критериев типологизации, исследователи традиционно выделяют несколько взаимосвязанных плоскостей: социально-демографические параметры (возраст, пол, уровень образования), особенности психического здоровья, уровень интеллектуального развития, специфические черты характера, ценностно-смысловые ориентиры, а также мотивы и способы реализации преступной деятельности. Подобная многоаспектность позволяет избежать упрощённого подхода и признать, что криминальное деяние – это результат взаимодействия как внутриспсихических факторов, так и внешней среды.

По мнению Е.С. Громова, учёного, анализирующего проблемы систематизации криминальных личностей, лишь комплексный охват характеристик индивида даёт возможность приблизиться к пониманию, почему один человек склонен решать жизненные затруднения противоправным путём, а другой, оказавшись в аналогичной ситуации, не переходит запрещённую законом черту [6, с. 20].

Традиционно в юридической психологии и криминологии принят подход, при котором степень общественной опасности преступного поведения определяет первое крупное деление: лица с выраженной антисоциальной направленностью (злостные преступники, систематически нарушающие нормы морали и права), личности со сравнительно менее жёсткими антиобщественными установками (например, совершающие деяния под влиянием неблагоприятных социально-бытовых условий) и случайные правонарушители с нарушениями психической саморегуляции, которые выходят за рамки правопослушания только в экстремальных обстоятельствах или при совокупности недобрых стечений внешних условий. Однако классификация не исчерпывается этим: учёные предлагают выделять корыстную, корыстно-насильственную и чисто насильственную (антигуманную) ориентацию как базисные направления преступного поведения. Представители первой группы (корыстной) нацелены на получение финансовой или материальной выгоды, вторая же добавляет к мотиву обогащения агрессивные элементы (грабежи, разбойные нападения), третья характеризуется пренебрежением к жизни и здоровью людей, нередко сопряжённым с проявлениями жестокости и аффективной разрядки.

По мнению М.В. Литвиновой, подобное деление отражает доминирующие мотивы преступной деятельности: одни движимы жаждой наживы, другие – агрессией или стремлением к насильственному удовлетворению желаний. Учёная подчёркивает, что выявление психологической основы таких мотивов позволяет компетентным органам

оперативнее дифференцировать способы расследования и меры профилактического характера [26, с. 61].

Выделение характерологических признаков в рамках указанной типологии также приобретает существенное значение. Так, у агрессивно-насильственных субъектов нередко наблюдается повышенная импульсивность, неуважительное отношение к чужой воле, неконтролируемые вспышки ярости. Корыстные индивиды демонстрируют повышенный уровень эгоизма, возможную недоверчивость к окружающим, жажду быстрого обогащения, которая может сочетаться с планомерным и детальным подготовлением противоправных действий. Изучение таких паттернов в психологии личности даёт следственным органам инструментарий для выстраивания версий и определения круга подозреваемых при расследовании преступлений, связанных с определённой спецификой (кражи, мошенничества, разбойные нападения, убийства и т.д.). Более того, система типологии позволяет прогнозировать вероятность рецидива: чем глубже антиобщественная направленность и чем прочнее она укоренилась в сознании преступника, тем выше риск повторного нарушения закона.

Значимость рассматриваемой темы не ограничивается интересами уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных мер. С уголовно-правовой точки зрения типология личности преступника оказывает влияние на индивидуализацию наказания, поскольку суд, принимая решение о виновности, не может игнорировать психологические и поведенческие параметры фигуранта дела. Статья 60 Уголовного кодекса РФ указывает на то, что при назначении наказания учитывается и характер личности виновного. Следовательно, если подсудимый относится к группе устойчиво антисоциальных, систематически пренебрегающих нормами права, это указывает на более высокую степень опасности для общества и предполагает жёсткую санкцию. Если же речь идёт о случайном правонарушителе, чьё поведение обусловлено стечением экстремальных факторов или

кратковременной потерей контроля, суд может применить более мягкую меру пресечения, поскольку системная криминальная мотивация в данном случае отсутствует.

Как считает Р.Л. Петрова, здесь проявляется важная корреляция между результатами криминологического и психологического изучения типов преступников и практикой вынесения приговоров: высокая корреляция между типом личности и вероятностью рецидива побуждает суд аккуратно оценивать психическую структуру субъекта, подтверждая, что правоприменитель не должен ограничиваться оценкой лишь объективных характеристик преступления [36, с. 32].

Практическая польза типологии личности преступников прослеживается и в сфере профилактики. На этапе оперативно-профилактической работы сотрудники правоохранительных органов, опираясь на типовые портреты правонарушителей, могут точнее определять, какие категории граждан наиболее подвержены совершению корыстных, насильственных или корыстно-насильственных деяний. Профильный анализ личности даёт возможность раннего выявления склонности к употреблению наркотиков, участию в азартных играх, асоциальному образу жизни и иным факторам, которые выступают «катализаторами» криминального поведения. Соответственно, при своевременном обнаружении такой склонности могут быть приняты меры социального контроля, адресной помощи или наблюдения, уменьшающие вероятность формирования стойкой криминальной установки. При этом не следует переоценивать абсолютную эффективность типологических схем, ведь преступность остаётся неоднородным феноменом, где каждый случай предполагает отдельный анализ личности. Тем не менее систематизация данных о частых паттернах поведения, агрессивных и корыстных установках или недостаточном уровне эмпатии уже доказала свою практическую результативность.

Из всего вышеперечисленного можно заключить, что типологизация личности преступников не только содействует более глубокому

теоретическому пониманию сущности и механизмов преступного поведения, но и имеет прямое практическое воплощение в ходе определения меры наказания, оценки риска рецидива и разработки профилактических программ. Она даёт возможность правоохранительным органам и судебной системе обосновывать решения на основе учёта не только внешних обстоятельств совершённого деяния, но и внутренних свойств субъекта, отражающих степень его адаптированности к нормам права и моральным установкам общества. По сути, сформированные на базе научных исследований модели преступного поведения являются ориентиром для эффективной правоприменительной деятельности, ведь знание типовых характеристик преступника облегчает поиск оптимальных путей исправительного воздействия и способствует предотвращению дальнейшей криминализации личности.

Заключение

Завершая проведённое исследование, следует подчеркнуть, что понятие субъекта преступления в отечественном уголовном праве имеет многовековую историю становления и развития, начиная с самых ранних правовых памятников древнерусского периода и заканчивая современной кодификацией уголовного законодательства. Первоначально законодатель не уделял должного внимания детальному определению круга лиц, подлежащих наказанию: достаточно было признания человека способным сознательно совершать недозволенные действия. Постепенно, начиная с эпохи «Русской Правды» и Судебников, формировалась идея о том, что истинным субъектом преступления может выступать лишь то физическое лицо, которое сознаёт смысл и последствия своих поступков. Более поздние законодательные акты, в особенности Соборное Уложение 1649 года и последующие нормативные документы петровского периода, продемонстрировали тенденцию к закреплению специфических категорий субъектов (военнослужащие, должностные лица).

В дальнейшем правовой ландшафт претерпел существенные изменения в период формирования имперской системы уголовного права XVIII-XIX веков. Кодификационные акты, такие как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовное Уложение 1903 года, уже содержали более чёткие критерии вменяемости и возрастные пределы, что позволило систематически различать лиц, способных отвечать перед законом, и тех, кто по психическому состоянию или незрелости ума этого делать не мог. Таким образом, к началу XX века в России была сформирована достаточно устойчивая конструкция субъекта преступления как вменяемого физического лица, достигшего определённого возраста и обладающего свободой воли и сознанием для совершения противоправных поступков.

Советское уголовное право, развивавшееся в условиях резких социальных изменений и идеологических преобразований, внесло в

понимание субъекта преступления ряд новаций. Основной акцент постепенно сместился к защите интересов нового государства и общества. Активное внимание уделялось возрастным особенностям правонарушителей: закреплялись различные нижние пределы привлечения к уголовной ответственности в связи с несовершеннолетием, а также вводились специфические меры воспитательного воздействия. Одновременно сохранялся принцип признания личности психически полноценной (вменяемой), чтобы в случае несоблюдения этого условия полностью исключить возможность признания человека субъектом преступного деяния.

В модернизированном уголовном законодательстве Российской Федерации, наиболее полно воплощённом в Уголовном кодексе РФ 1996 года, понятие субъекта преступления окончательно обрело комплексный характер. Обязательными признаками субъекта выступают физическая природа, достижение установленного возраста и способность отдавать отчёт в собственных действиях. Такой подход не только подтверждает гуманистическую линию российского уголовного права (которая исключает возможность привлечения к ответственности лиц с психическими расстройствами, не позволяющими осознанно действовать), но и придаёт сугубо индивидуализированную форму наказания, ориентированную на личную вину правонарушителя.

Параллельно, с учётом усложнения общественных отношений, сформировалось представление о специальном субъекте преступления, наделённом дополнительными юридически значимыми признаками. Имеются в виду должностные лица, военнослужащие, родители и педагоги, обязанные нести особые функции по отношению к третьим лицам, и иные категории, для которых нарушение возложенных законом обязанностей или злоупотребление правом служит непосредственной предпосылкой к образованию состава преступления. Специальный субъект, таким образом, определяется тесной связью между личным статусом человека и тем кругом общественных

отношений, которые он мог нарушить в силу имеющихся полномочий или обязанностей.

Не менее существенным явлением в рассматриваемой проблематике является личность преступника как более широкое и многоаспектное понятие, выходящее за рамки чисто юридических признаков вменяемости и возраста. В отличие от категории «субъект преступления», которая формирует структуру состава преступления и указывает на минимальные законодательно закреплённые требования для привлечения к уголовной ответственности, личность преступника охватывает психологические и социально-демографические особенности, а также мотивы и интересы, предопределяющие противоправное поведение. Криминологическая и юридико-психологическая литература обосновывает, что подобное всестороннее изучение личностных качеств правонарушителя позволяет не только точно оценить степень общественной опасности, но и спрогнозировать перспективы его коррекции, определить типичные условия, повышающие риск рецидива.

При этом соотношение категорий «субъект преступления» и «личность преступника» в российском уголовном праве носит сложный, но взаимодополняющий характер. Субъект преступления – это нормативно-правовая характеристика, являющаяся условием привлечения человека к ответственности; личность преступника – многоплановое научное понятие, позволяющее исследовать объективные и субъективные факторы, включая социально-психологические детерминанты криминального поведения. Их разводить в абсолютном плане нецелесообразно, поскольку полноценная реализация принципа справедливости невозможна без учёта «портрета» правонарушителя, отражающего нравственную позицию, особенности жизненной среды и мотивационную сферу.

Типология преступников, опирающаяся на классификацию по уровню общественной опасности, доминирующим мотивам, психическим особенностям и характерологическим чертам, имеет существенное уголовно-

правовое значение. Она используется как при квалификации деяния, так и при назначении наказания, помогая суду индивидуализировать ответственность с учётом реальной склонности правонарушителя к дальнейшим антисоциальным поступкам. Кроме того, знание типовых характеристик различных групп преступников способствует повышению эффективности оперативно-розыскных мероприятий и профилактической работы, позволяя заранее предвидеть формы и способы противоправных посягательств.

Таким образом, проведённое исследование даёт основание заключить, что эволюция и закрепление в уголовном законодательстве института субъекта преступления явились ответом на объективную необходимость учитывать биологические и психические качества человека, совершающего деяние, а также его социальное положение и служебный статус. Расширение доктринального анализа, включающего личностные факторы и криминологические аспекты, позволяет более глубоко осмыслить природу общественно опасного поведения и выбрать адекватные меры правоохранительного и воспитательного характера. Современная практика в сфере уголовного права доказывает, что без комплексного учёта всех элементов (от возрастных и психических критериев до социально-моральной позиции) невозможно выстроить справедливую и гуманную систему ответственности, способствующую как защите общества, так и реабилитации индивида. Именно это сочетание заложено в конституционно закреплённых принципах правосудия и находит отражение в нормах российского уголовного права, регулирующих порядок привлечения к ответственности и индивидуализацию наказания.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Архипова Л.И. Развитие института ограниченной вменяемости: проблемы и перспективы // Вестник криминологии и права. 2022. № 3. С. 17-25.
2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27.09.2018 № 38-АПУ18-5 по делу № 2-5/2018 // URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/WS5aHTPb9CHd/?ysclid=m88o6ir4aq157747820> // (дата обращения 09.03.2025 г.).
3. Барковский О.Б. Социально-психологические факторы рецидивной преступности: пути предупреждения и реинтеграции // Право и общество. 2021. № 4. С. 44-51.
4. Беляев А.П. Исторический анализ минимального возраста уголовной ответственности в советском праве // Уголовно-правовой вестник. 2019. № 2. С. 27-35.
5. Воронов М.Н. Гуманистические идеи в русском уголовном праве XVIII века: от теории к практике // Правоведение. 2021. № 1. С. 52-59.
6. Громов Е.С. Систематизация криминальных личностей: методология и практическое применение в области профилактики // Уголовная политика и криминология. 2020. № 3. С. 19-28.
7. Громов М.С. Социально-правовые предпосылки формирования уголовного законодательства СССР в довоенный период // История и право. 2020. № 5. С. 41-49.
8. Груднов В.К. К вопросу о персональном характере уголовной ответственности. М. : Юрлитинформ, 2022. 180 с.
9. Данилова О.С. Свобода воли и юридический критерий вменяемости в контексте уголовного права // Правоведение. 2022. № 1. С. 52-59.
10. Доманов К.В. Возрастные и психические предпосылки признания лица субъектом преступления в российском праве // Российское правосудие. 2020. № 7. С. 18-25.

11. Дубровин Е.Ф. Проблемы оценки психических отклонений, не исключающих вменяемости // Уголовное право: современная доктрина и практика. 2022. № 6. С. 44-51.

12. Емельянов А.В. Феномен вменяемости в современном российском уголовном праве // Уголовное судопроизводство и право. 2021. № 7. С. 34-42.

13. Ермоленко С.А. Криминологические аспекты рецидива: криминальная ориентация и факторы социализации правонарушителя // Вестник уголовного права. 2022. № 2. С. 37-45.

14. Ершов Н.А. Временные психические расстройства и их влияние на способность лица осознавать характер своих действий // Вестник правовой науки. 2019. № 6. С. 45-52.

15. Завьялов П.Г. Личность преступника как динамическая система: криминологические основания и правовые последствия // Актуальные вопросы криминологии. 2020. № 2. С. 12-21.

16. Золин С.Н. Проблема определения специального субъекта в составах преступлений должностного характера // Вестник уголовного права. 2020. № 2. С. 49-56.

17. Игнатьев В.П. Интеллектуальный признак невменяемости: особенности диагностирования и правовая оценка // Криминология: наука и практика. 2018. № 3. С. 15-23.

18. Калянов П.А. «Сложные» статусы в уголовном праве: проблема квалификации деяний лиц с двойным правовым положением // Уголовное законодательство в XXI веке. 2022. № 4. С. 33-40.

19. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 №1-ФЗ) // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.03.2025).

20. Корнеев В.Ф. Возрастные пороги в уголовном праве: историческая эволюция и современная практика. М.: Юркнига, 2020. 244 с.

21. Коротков Н.П. Непрерывность и трансформация уголовно-правовой политики в постсоветской России: проблемы и перспективы // Российское правосудие. 2021. № 4. С. 18-26.

22. Кравцов Б.Г. Медицинский и юридический аспекты невменяемости: анализ судебно-психиатрической практики // Актуальные проблемы права. 2021. № 4. С. 37-45.

23. Кравченко С.В. Признание лица невменяемым: критерии и проблемы их применения // Пробелы в российском законодательстве. 2022. № 2. С. 11-18.

24. Ладожина Л.Г. Отсутствие единой дефиниции специального субъекта преступления в отечественном уголовном законодательстве: пути решения // Право и государство: вопросы теории и практики. 2019. № 5. С. 54-61.

25. Лапушкина Г.М. Ограниченная вменяемость в уголовном праве Российской Федерации: теоретические и практические аспекты // Юридический вестник. 2020. № 5. С. 59-67.

26. Литвинова М.В. Корыстные и насильственные мотивы в структуре преступной деятельности: психологическая характеристика и способы расследования // Современные проблемы права и государства. 2021. № 7. С. 58-66.

27. Лотников В.Н. Мотивация и психические детерминанты поведения лиц, совершающих насильственные преступления // Криминология и право. 2019. № 6. С. 22-29.

28. Лысаков Г.Д. Хронические психические расстройства и их учет при признании лица невменяемым // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 90-97.

29. Макарова Т.Н. Субъект преступления в уголовном праве: от теории к правоприменительной практике // Российская юстиция. 2022. № 4. С. 18-24.

30. Малиновский В.И. Кодификация уголовного права в эпоху абсолютизма: предпосылки и реализация // Российская юстиция. 2019. № 7. С. 41-47.

31. Малыгин А.А. Особенности правоприменения при привлечении физических лиц к ответственности за экономические преступления // Уголовное право и правосудие. 2020. № 6. С. 41-47.

32. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.05.2023 № 53-УД23-8СП-А5 // URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/WS5aHTPb9CHd/?ysclid=m88o6ir4aq157747820> // (дата обращения 09.03.2025 г.).

33. Официальные статистические данные правоохранительных органов о количестве зарегистрированных преступлений в Российской Федерации за 2018-2022 гг. // URL: <http://мвд.рф/stat> (дата обращения: 09.03.2025).

34. Панфилова О.Л. Юридический критерий невменяемости: проблемы определения и правоприменения // Уголовное право: стратегия развития. 2019. № 1. С. 73-80.

35. Петрова Е.В. Иные болезненные состояния психики: специфика правовой оценки и современные подходы к установлению // Актуальные проблемы права. 2021. № 4. С. 26-34.

36. Петрова Р.Л. Криминально-психологический анализ личности преступника: отражение типологических признаков в уголовном праве // Правоприменительная практика: теоретические аспекты и современные вызовы. 2019. № 5. С. 31-39.

37. Постановление Оренбургского областного суда от 03.12.2018 № 4У-1789/2018 по делу № 44у-196/2018 // Архив судебных актов Оренбургской области. 2018. Электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс».

38. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 6.

39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

40. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 6.

41. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 8.

42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2.

43. Рогов Е.В. Эволюция концепции индивидуальной виновности в отечественных кодификациях // Вопросы уголовного права. 2021. № 2. С. 34-42.

44. Романов А.К. Проблема индивидуализации наказания в контексте анализа личности осуждённого // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 76-82.

45. Романова Н.Ю. Проблемы индивидуализации уголовного наказания в контексте изучения личности преступника // Вопросы уголовного права. 2020. № 4. С. 27-35.

46. Русская Правда: текст, комментарии, исследования / под ред. А.А. Зимина. - М. : Наука, 2009. 312 с.

47. Рязанцев Л.Д. Теория уголовной ответственности юридических лиц: сравнительный анализ зарубежных моделей. СПб.: Юридический центр, 2021. 312 с.

48. Самсонова Н.Г. Установление нижнего возрастного предела уголовной ответственности: правовые и этические аспекты // Вестник уголовного судопроизводства. 2021. № 3. С. 14-21.

49. Сметанина М.Р. Профессиональные обязанности как критерий специального субъекта преступления: теоретический анализ и судебная практика // Уголовно-правовой обзор. 2021. № 7. С. 38-45.

50. Стариков М.К. Волевой момент при определении невменяемости: психологический анализ // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 22-29.

51. Треснов И.А. Историко-правовой анализ Судебников Ивана III и Ивана IV: эволюция уголовно-правовых норм // Вестник юридических исследований. 2015. № 2. С. 12-19.

52. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954

53. Уткина С.П. Индивидуализация наказания и проблема криминализации деяний, совершённых от имени организации // Уголовно-правовой вестник. 2018. № 3. С. 41-48.

54. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 № 53-ФЗ (с изм. и доп.) // Собр. законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

55. Фролов М.Н. Становление сословно-правовых институтов в русском законодательстве XVI века // История государства и права. 2018. № 3. С. 29-36.

56. Федоров В.Э. Социологические аспекты формирования криминальной мотивации: взаимодействие институтов социального контроля // Социология и современность. 2023. № 2. С. 45-53.

57. Чернов Д.А. Ограниченная вменяемость в уголовном праве России: вопросы теории и практики // Российская юстиция. 2021. № 4. С. 25-32.
58. Шестерина Н.В. Индивидуальное исправление как цель уголовного наказания: современные доктринальные подходы // Вестник уголовного права. 2023. № 1. С. 25-32.
59. Щербак Л.А. Концептуальные основания отказа от уголовной ответственности юридических лиц в российской правовой системе // Юридические исследования. 2019. № 6. С. 29-36.
60. Яковлева И.В. Социальные предпосылки становления советского законодательства о малолетних правонарушителях // Право и общество. 2017. № 3. С. 33-40.
61. Sutherland E.H. Principles of Criminology. Chicago: The University of Chicago Press, 2019. P. 112-128.
62. Sellin T. Culture Conflict and Crime. New York: Prentice-Hall, 1938. P. 57-71.
63. Merton R.K. Social Theory and Social Structure. New York: The Free Press, 2008. P. 85-96.
64. Hirschi T. Causes of Delinquency. Berkeley: University of California Press, 2008. P. 40-59.
65. Gottfredson M.R., Hirschi T.A General Theory of Crime. Stanford: Stanford University Press, 1990. P. 22-39.